

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. Виноградского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Леонова, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 7 (858)

5 февраля 1940 г., понедельник

Цена 30 коп.

Сталинские премии по литературе

С гордостью можно сказать, что литература советской страны приобрела такие качественные черты, которых она не имела в прошлом и каких нет теперь в литературе империалистических стран.

сал в одном из прекрасных рассказов Алексея Максимовича Горького, — сколько видны чудесного, как мучительно сладко волнуется сердце в тихом восхищении перед красотой! Ну, да — порою бывает трудно, вся грудь нальется жгучей ненавистью, и тогда жадно сосет кровь сердца, но это — не навсегда дано, да ведь и солнцу часто очень грустно смотреть на людей: так много потрудились они для них, а — не уладились людскими... Разумеется, есть немало и хороших, но — их надобно почитать или — лучше — переделать заново.

Нам выпало счастье быть современниками социализма. Нам привелось не только видеть его осуществленным, но и принимать в его создании самое горячее участие. И мы так же высоко подняли знамя реализма, как несли его наши предшественники — русские писатели.

И на этом пути пройден уже не мало. Советская литература стала авангардом мировой литературы. Признание народа литературы выдано и в том, как грандиозно велики тиражи книг и как они бесконечно малы по сравнению с потребностями. Признание выдано и в том тесном общении, в той, можно сказать, интимной связи, какая существует между писателем и читателем.

Говорят, что для этого нужно отойти на расстояние, откуда, дескать, лучше видна перспектива. Смешные утверждения! Конечно, Толстой писал «Войну и мир» через много лет после шаштета Наполеона. Но ведь он создал и «Анну Каренину» на современном ему материале.

Постановление правительства предусматривает сталинские премии за лучшую критическую работу. Этим является предельно важным и вдумчивым разговором о том, что критика литературы находится в непосредлении. Но это представляет огромные требования к критике.

Сталинская премия! Как много нужно работать, чтобы получить на нее право! Какого художественного уровня должны достигнуть произведения, какого глубокого проникновения в жизнь и мастерства воспроизведения!

В писательской среде очень много горюило о внимании к современной теме. Хороши и важны все виды и жанры литературы. Кто может спорить, скажем, по поводу того, нужен ли исторический роман советскому читателю? Интерес к нему доказан самой жизнью.

Нет возможности перечислить то множество вопросов, которое возникает в связи с установлением сталинских премий. Коллектив советских писателей, все его отряды во всех республиках должны будут много внимания уделить этим вопросам.

В заключение Антокольский вспоминает о своих встречах с Брюсовым в начале 20-х годов в литературном отделе Наркомпроса. В этих воспоминаниях явственны облик бескорыстного учителя поэтической молодежи, ежедневно передававшего ей свой опыт и мастерство.

Герой Советского Союза И. Д. Паланин.

Герой Советского Союза К. С. Бадигин.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПЬЕСЫ И СЦЕНАРИИ А. М. ГОРЬКОГО

Институт мировой литературы подготовил к печати второй том «Архива А. М. Горького». Во второй том, сообщает редактор его, академик И. Луцкий, входит значительная часть оставшегося по силе неопубликованного рукописного наследия писателя.

В двух вариантах сохранился сценарий «Стелая Разина». Он представляет собой развернутую схему большого исторического фильма о «старомом» бунте в Московском государстве в 1666—68 годах, как гласит подзаголовок, написанный самим писателем.

Вечер памяти В. Брюсова

В большой аудитории Политтехического музея состоялся вечер, посвященный 15-летию со дня смерти Валерия Брюсова. Почти память поэта пришла писатели, журналисты, учителя, студенты, рабочие.

Каракалпакский фольклор

ТУРКМЭЛЬ (От наш. корр.). Организованный осенью прошлого года Каракалпакский научно-исследовательский институт языка и литературы проводит большую работу по сбору и изучению устного народного творчества.

Сегодня в номере:

- 1 стр. ПЕРЕДОВЫЕ. Сталинские премии по литературе. Ясность цели. ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВНАРКОМА СОЮЗА ССР. Об учреждении премий имени Сталина по литературе. ИНФОРМАЦИЯ. Неопубликованные пьесы и сценарии А. М. Горького. Вечер памяти В. Брюсова. Каракалпакский фольклор. Новеллы В. Стефанека.

Ясность цели

«812 дней жизни во льдах не являясь пустым словом. Три полярных ночи, бесконечные сжатия льдов, работа в условиях почти постоянного мрака и холода требовали большой выдержки, дисциплинированности и настойчивости, дружбы и сплоченности всего коллектива. Не раз и не два нам приходилось выходить на рукошапную схватку с суровой природой, бороться с наступающими льдами, грозящими поглотить людей и корабль.»

Мы победили, ибо знали, за что боремся! Было бы нелепо думать, что нами руководило просто чувство самоохранения. Оно могло помочь сохранить как только жизнь, но никогда не было бы в силах поднять коллектив на осуществление большой творческой работы. Да помню всего мы и не беспокоились за свою судьбу. Перед нами не стояли тени Селова, Русанова, Скотта, Франклина, бросивших без помощи в самые тяжелые минуты их жизни. Мы знали, что за нами, за нашей работой следят, что в трудные дни родины, народ, Сталин придут к нам на помощь.

Эти слова принадлежат Константину Сергеевичу Бадигину, главному водителю героического отряда словенцев. В нескольких строках найдут они отклик, сколько людей в нашей стране с полным правом и гордостью могут повторить слова за мужественным капитаном: «Мы знаем, за что боремся!»

Танкисты, направляющие свои громадные машины против бедуновских гнезд; пехотинцы, бросающиеся в штыковую атаку на врагов трудового народа Финляндии; летчики, совершающие меткими бомбами маневровые вылеты; советские моряки, стерегущие врагов в морях и океанах... И вместе с ними — миллионы социалистических работников промышленности и земледелия, транспорта, культуры, искусства — вся великая и непоколебимая армия патриотов нашей родины.

«Мы знаем, за что боремся!» — это основа основ, это ключ к пониманию идеологии советского человека, к пониманию важнейшей черты нашей эпохи — массового героизма. В 1918 г., когда только что была создана Красная Армия, Ленин, анализируя причины первых побед молодой республики Советов над ее врагами, подчеркнул именно эту мысль — понимание новой армией целей войны.

Идеи Маркса — Ленина — Сталина, ставшие достоянием народа, его мировоззрением, приобрели материальную силу, которая возмужает знание коммуниста и крушит его врагов. Социалистическое сознание открывает людям, ведет их на высоту; оно творит чудеса, открывая все в новых и новых линиях способности к героическому, волево-волевному напряжению творческих сил, оно отрывает горизонты общих венеральных целей; оно формирует новый человеческий тип — героя сталинской эпохи, готового отдать жизнь любимой родине, знающего, что борьба идет за счастье народов, мужественного, скромного, бодрого и беззаветно преданного делу партии Ленина — Сталина.

Во всех областях жизни встречается мы уже этого нового человека. Это он ломает преграды и нормы в шахтах и цехах, это он прорвал Ферганский канал, это он взорвал те элазы и плоты, которыми мы восхищались на сельскохозяйственной выставке, это он изыскал и взвезл наши подземные богатства, завоевал для нас новые земли.

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР об учреждении премий имени Сталина по литературе

В дополнение к постановлению СНК Союза ССР от 20 декабря 1939 года «Об учреждении премий и стипендий имени Сталина» СНК Союза ССР постановляет: Учредить 4 премии имени Сталина, по 100 тысяч рублей каждая, присуждаемые ежегодно за выдающиеся произведения в области литературы, из них: одну — по поэзии, одну — по прозе, одну — по драматургии, одну — по литературной критике.

СОЗНАНИЕ

Более года назад капитан Вадимин в статье, перепечатанной по радио, рассказывал, как живет экипаж «Седова»:

«...Позавчера, знакомясь на коллективной читке с трудом Гичарда Берда «Снова в Антарктике», мы были удивлены описанием хаоса, царившего в «Маленькой Америке» и вообще явности присутствующего Заполярья. Морьякам «Седова», людям нового, социалистического строя, не может быть присуща такая шероховатость, такое безразличное отношение к окружающему. Люди, воспитанные коммунистической партией, великим Сталиным, хорошо знают цель своей работы. Вот, в чем разнится между нашим коллективом и жителями «Маленькой Америки!»

Это место статьи говорит о многом. Здесь выражено новое отношение человека к своему труду и долгу.

Теперь мы встретились с «Седовом» в центре нашей «Большой Земли», мы читаем их дневники, слушаем их голоса по радио, — скромные, сдержанные рассказы об исполненном труде, — и мы думаем об этом труде — поистине, мы думаем об этих людях — героях.

Так случилось, что эти отважные молодые люди, которых народ теперь придал к своему сердцу, совершили свое необычайное плавание на корабле, построенном в первом русском человеке, деревенского на путешествие к Северному полюсу, имя Георгия Седова.

Так случилось, что они вернулись к нам накануне дватретьей со дня смерти Роберта Пири — отважного американца, открывшего Северный полюс.

Четыре раза Пири шел на полюс и достиг, наконец, пикта полярной бассейна — пятой двадцатилетней работы, в результате физического и волевого напряжения, длившегося много тысяч дней, ценою постоянного риска погибнуть. «Основным правилом физика», — писал он, — является положение, что тело движется по линии наименьшего сопротивления. Но этот принцип кажется мало применимым в отношении непоколебимой воли человека».

Он не знал страха, не признавал трудностей, это влекло в единую плоть. Удивительная сила волевого пири. Имя этой силы — Тщеславие. «Полюс, наконец! Цель трех столетий! Мой, наконец!...» — вот страстный крик, вырвавшийся из груди Пири, когда он добрал до той точки среди льдин, которую принял за северный полюс (он ошибся, как после выяснилось, на 167 км.).

Однажды, встретив далеко на севере, в районе Смита, путешественника Отто Свердлова, Пири согласился взять у него для доставки на материк только частные письма, научных же отчетов не принял. И он поступил правильно — с точки зрения законов конкуренции, которые были для него священны!

Этот человек неукротимой воли и чудесной энергии был, однако, законченным дельцом, исполненным специфических предрасудок «белого завоевателя». Когда он в последний раз шел к полюсу, его сопровождали опытные и смелые товарищи. Всех он отправил назад по мере приближения к цели — всех, кроме одного Петра и четырех эскимосов. На вершину мира должен был войти только один человек — Роберт Пири. Что же до Петри, то они не в счет.

Исследование центра Арктики было необходимо науке. Но Пири, посвятившему Арктике жизнь, наука не была нужна. Он был великолепным рекордсменом — и только. Поэтому человечество ничего не получило в результате его победы, — ничего, кроме гордой телеграммы, в которой он извещал мир и президента Соединенных Штатов о том, что 6 апреля 1909 года он пришел к финишу.

Но подобно тому, как несколько позже успех Амундсона на Южном полюсе был омрачен драмой капитана Скотта, торжеству Роберта Пири помешала трагическая смерть Кук.

Величайшая победа человеческого духа — долготерпеливое открытие Северного полюса — была встречена всемирным скандалом. Фредерик Кук настаивал, что честь открытия полюса принадлежит только ему. Мир разделился на две части: одни защищали первенство Кука, другие смеялись над ним и его претензиями, утверждая, что он и близко к полюсу не подошел. Газетам и миллионам читателей всех стран это только и нужно было.

Но к тому времени, когда окончательно выяснилось, что Кук — мошенник, венок славы, оставшийся в руках Пири, был уже достаточно потрепан. Общество, к которому Пири принадлежал, украсило память о его подвиге по собственному вкусу, — оно плеснуло на нее грязью скандала.

И двадцать лет назад американские газеты сообщили, что умер от анемии, в кругу семьи, инженер Роберт Пири, тот самый, который... помните вашу мемуарную аферу Кука?..

Теперь о Седове. Он верил, что для свершения подвига нужна добрая и сильная воля, а для открытия полюса, в частности, — еще и некоторое количество провизии, собачки, теплая одежда и керосин. Сын знаменитого белого рыбака, в жизни он встречал много тяжелых препятствий и не раз преодолевал то, что другим было не под силу. Но никогда он не пытался выкинуть в шельм, через которую шел.

Он словно верил в свои силы. Это было удивительное его богатство — железная воля, деятельный и неослабный ум, могучее здоровье. Завоевание полюса представлялось ему подвигом между человеком и природой, единоборством, в котором он должен был выступить от имени России. Вот почему до поры до времени он не ощущал трагичности своего одиночества и не придавал значения тому, что Россия, большая Россия, для которой он шел на подвиг, проводила его в плавание молча. И он отдался в экстазию вопреки воле правительства, наперекор общественному мнению той маленькой, но всемогущей, официальной России, которая шумела газетными ластами и занимала министерские посты.

Но еще сильнее, чем «Святой Фока» вышел из утробы Северной Двины, Седов был обречен. Он пошел ролю, как человек, обремененный долгами, как должник, отбравляющийся в далекие страны добывать богатство для выплаты по своим кредиторами. Он слишком много обещал. Десятки раз он сказал в утвердительной форме, о чем следовало говорить лишь предположительно. Он не говорил: я сделаю попытку и, может быть, при благоприятных условиях, мне удастся достигнуть полюса. Нет, он заявил вполне решительно: я пойду и открою полюс.

Давно вымогала у него эти слова в обмен на свободу действий и деньги, которые нужны были для его высокой цели. Под сомнения, хотя бы и мурдые, денег ему не дали бы.

Он раздавал свои обязательства направо и налево с азартом игрока, рассчитывающего на последнюю крупную ставку. Да, он рассчитывал на последнюю ставку, которой готов был оплатить все долги. Этой его ставкой была собственная жизнь.

Он перешел в Россию и любил ее. Он знал, что лето продолжится и для кого идет на подвиг. В разорках, приказах, дневниках и письмах он называл Ломоносова, Менделеева и тех необыкновенных людей — казаков и промышленников, которые открыли для России земли, реки, острова и моря Севера.

Савва Ложкин, Харитон и Дмитрий Лагетев, Семён Дежнев, Яков Пермяков — они были не только его героями, но и предками по крови и духу. И, как они, он грезил о новых морских дорогах, об островах с неисчислимым изобилием, мечтал открыть новые земли, любил Север и чужд, предпринимчивый, как они, необыкновенные богатства, за морями. Его охватывала благородная ревность, когда он читал об успехах иностранцев — Пири, Шекельтона, Амундсена.

Обстоятельства его гибели трагичны. 15 февраля 1914 года, после 18 месяцев пребывания в Арктике, он отправился из бухты Тихой пешком к полюсу. С ним были двое спутников, 24 собаки (в десять раз меньше, чем у Пири), запас провизии, которого могло в лучшем случае хватить на путь только в одну сторону, и, наконец, он был болен лихорадкой, у него опухли ноги и в день отправления у него был жар.

Седов шел столько, сколько позволили ему силы, шел, пока не устал. Он умер в палатке близ острова Рудольфа.

Так он оплатил обещания, которые у него вымогали за право свершить подвиг — за свободу действий и деньги. Он был одинок, ему некуда было отступить. Он знал, что поворот возможности идти на Север ему уже не дадут. Меж тем целью его жизни было именно это. И так как у него был лишь один путь, он и пошел по этому пути — к полюсу, на смерть.

На гибель его послали те, кто засады в министерствах, писал в газетах, отчитывал рубри «жертвоприношение» из миллионов прибылей, те, кто был всегда враждебен сыну призрачного моряка... И — будь их воля — память о Седове и самобытная его память умерли бы в стургах министерских архивов.

Оно живет, это имя, возрожденное для новой славы советским народом, живет и в медных буквах на обшивке ледокола, и в живой нашей сегодняшней речи, в новом слове «седовцы» — синониме большевистской смелости и победы.

Почитайте книги Нансена, Амундсена, Скотта, Свердлова, Стифансона — всех, кто когда-либо формировал экспедиции. Как осторожно, вдумчиво подбирали они товарищей, какое огромное значение придавали их тренировке, а самое главное их моральной стойкости, способности не падать духом в трудные дни.

Очень важная деталь эпизода «Седова» — то, что экипаж дрейфующего корабля не был на сей раз специально подобран, что на «Седове» остались, работали, боролись рядовые моряки, участники обычного «коммерческого» рейса. Еще одно подтверждение того, как высок общий моральный уровень наших людей. Благородная стойкость, мужество, способность переносить любые лишения, — вот человеческие качества, которые стали достоянием миллионов. Но мужество — ради чего?

История помнит героев и мучеников, жертвовавших жизнью ради науки. Их было меньше, чем тех, кто шел на риск ради денег или славы, и все же они были.

Ради чего остались седовцы на корабле, которому каждый день грозили зловонным шестом и громовым гулом перепадавшего льдина?

Сознание необходимости. Это нужно — для родины, для науки и — значит — для мира, потому что родина — моя и наука принадлежит миру.

И если, говоря о Пири, мы думаем — Тщеславие, говоря о Седове — Отчаяние, то каким же словом определить самое главное в характере «седовца» — артистического героя наших дней?

Это слово — Сознание. Мы видим — роль сознания неизменно выросла. Строительством социализма вовлекло десятки миллионов людей в государственную социалистическую работу, каждому ясна цель его труда, роль и место в общем движении. Разовой грандиозной, как разовой боей, «знает, за что он борется». Свободное сознание непосредственно связывается с практикой, мысль и действие прямо следуют друг за другом. И мы видим, как это освобожденное сознание миллионов действует с гигантской силой, перестраивая жизнь, формируя по новому быт, создавая новые формы в экономике, культуре, искусстве. Оно делает способность к подвигу естественной, необходимой чертой нашего современника.

По это ответ, так сказать, публицистический.

Литературе не трудно разобраться в мотивах поведения Роберта Пири или в трагическом героизме Седова. Весь мировой опыт искусства, весь арсенал испытанных средств — в ее распоряжении. Гораздо труднее (иногда всега труднее) отразить художественным произведением сознание нашего современника, показать, во имя чего наши люди совершают подвиги. Собственно говоря, это едва ли не главная задача советской литературы.

«Начались дожди»

Отрывки из романа

Луис БРОМФИЛД

...Старая магарани играла в покер тайком от магаралжи. Он не мешал ей играть в Монте-Карло, Довилле или Вален-Валене, но здесь, дома, в собственном дворце, среди своих — запросто.

Сейчас она сидела в своей гостиной за столом красного дерева, вокруг которого расположились майор Саффа, два племянника магаралжи и генерал-майор Эгет. Племянники выжили покеру в Кембридже, играли по-старинке и довольно вяло. Генерал-майор Эгет играл сообразно своему пылкому темпераменту и поэтому всегда проигрывал. Проигравши он заносил в счет путевых расходов, рассматривая билет к магарале как дипломатический. Это был не официальный визит, устроительный визит-королем, а частное посещение и потому тем более выгодно и ценно. Эгет был приземистый мужичина лет шестидесяти, с красным лицом индюка и большими белыми усами. Он провёл в Индии полжизни и в некотором роде мог служить примером того, как природа копит литературу, ибо был вылитым киношным генералом не только по внешнему виду, но и по темпераменту.

Сейчас он вел некую игру с правительством Рачинчура * и, играя, гораздо более важную и трудную, чем покер, которая беспокоила его, потому что сообразал он тут, а характер у него был раздражительный.

В глубине души он оставался довольно наивной, сохраняя уверенность, что он служит британской империи в соответствии с великими традициями; то есть не только силой оружия (на что указывали его бесчисленные медали), но также и хитростью внешней политики.

Этих индусов он считал важными для себя потому, что они были богаты, обладали властью и понимали политическую игру в Европе так же хорошо, как и в Индии. Здесь было не отставало государство, управляемое трешушким, разраставшимся принцем Рачинчура, — даже генерал понимал это, — был важен, и не только важен, но и опасен, потому что он врывал всю теорию о «бремене белого человека». За пятьдесят лет правления старика, спящего сейчас в другой далекой части дворца, эта провинция поднялась из маршированной апаши и древопанских суевей до уровня прекрасного организованного современного государства. Это доказало, что индусы могут быть хорошими администраторами и хорошими хозяйственниками, что они могут разрешать даже самые сложные вопросы, как проблема утилизации массовых. Рачинчура был более цивилизованным и передовым государством, чем многие части Англии и Америки — вроде Мидландс или Питтсборо.

Генерал предпочел бы в'ехать в Рачинчура на слоне во главе колонии войск, глядя на народ, лежащий ниц по обе стороны проспекта, ведущего от старого дворца к шипоруду. Вот как должен был бы * Несуществующая страна, придуманная автором романа.

в'ехать британский генерал, а не в железнодорожном вагоне, как презренный штатский! И встречает его к тому же как-то снисходительно (в этом он не был окончательно уверен, и это тревожило его). Полк-Робе и племянники магаралжи, заставлявшие, что для него послать тубоубийные извещения в том, что присутств податные задержал его дома (почему, собственно, у магаралжи податра, которая является большой отставных генералов?) Если бы ему (генералу) было дано решающее слово, он бы иначе обходился с Индией. Если бы ему было дано решающее слово, — не было бы индийских проблем...

И он воображал себя дипломатом, в уверенности, что сидит напротив красивой старой дамы считает его яростным ягнцом и своим самым продажным другом. Он не подозревал, что она точно знает его мысли и какова цена его дружбы. Для нее он был попросту довольно утомительным старым хвастуном, которого надо принимать, потому что все это как-никак было игрой, бесконечной игрой на выживание, которую надо вести с бесстрастным лицом покериста, до тех пор, пока Европа не уничтожит сама себя или не разложится.

...Магарани взяла свои пять карт. Четверо из них были пики — двойка, тройка, лядера и шестерка. Ее лицо не изменило выражения, когда она посмотрела в карты. Садвал майор Саффа, хирург. Он сидел с сигарой в углу рта, крупный, красивый и приятный. Генерал взял сильные карты и увидел трех тузов. У обоих племянников не было ничего, а у майора Саффа две пары — короли и восьмерки.

Племянники бросили карты, а их тетя с каменным лицом открыла игру. Генерал сильно покраснел и, слегка поспальвая, подпал ставку и в свою очередь был перекрыт майором Саффа. Ее величество удовлетворилась только одной картой. Генерал взял две, майор Саффа одну.

Генерал первый взглянул в свои карты, и, когда увидел четырех тузов, его лицо заметно порозовело. Магарани, посмотрев на карты, увидела четверку пик, будто поспальную судьбы. Ее черные глаза загорелись, но не на такой долгий срок, что бы генерал мог увидеть. Майор Саффа это заметил, как вообще замечал почти все. Магарани любила играть с майором, потому что он был достойным соперником. С генералом было слишком легко справиться.

И вот началась «торговля», сперва на пробу. В двух тузах участвовал и майор Саффа, хотевший выиграть, но боровался ли другие. Они поняли ставки, потом еще и еще, и майор, наблюдая за ними, знал, что это уже не было простой борьбой за

выигрыш. Дело зашло гораздо глубже. Самая гордая и красивая индусская магарани любила в анализе всю британскую армию. За игрой чувствовался насыщенный электричеством ток ненависти и гордости, направленный против высокомерия. Выражение лица магарани ничуть не изменилось, только глаза ее сделались немного жестче. Глаз генерал обнаружил признаки слезотечения. На четвертом тузе его лицо из розового сделалось красным, на пятом — багровым, и он уронил свое положение, на секунду заколебавшись. Но насмешливый взгляд магарани подстергнул его. Она снова подняла ставку, потом снова, и тогда магарани милостиво и снисходительно сказала:

— Генерал, я не хочу разорить вас. У меня «флеш», — и она положила карты на стол.

Наступила напряженная пауза, словно генерал был побит на поле сражения силами, бесконечно меньшими, чем его собственные. Он сердито вынул свои карты. На момент он был близок к тому, чтобы сделать то, чего так хотелось магарани, то есть едва не потерял самообладания и спортивной выдержки. Но он во-время вспомнил крикет, спортивное поле в Итоне, и это спасло его. Тем не менее места, с которым он бросил свои карты, было достаточно. Большого магарани не хотела. Она была удовлетворена. Она знала, кроме того, что счет его расходов за этот месяц будет огромным.

В собственном вагоне, в разных купе лежали лорд и леди Хстон и не могли уснуть, потому что было жарко, как в печи. Даже брусник льда, завернутые в полотенце и лежащие около каждого электрического вентилятора, не помогали.

В своем купе лорд Хстон курил сигары, пыл виски и зевнул ласково. — то открыл окно, то закрыл его, то переставил вентилятор, то принесил новый брусник льда. Не будучи в состоянии заснуть, он тешно пытался работать — составлял телеграммы и приводить в порядок пирамиды, беспорядочно набросанные на листе бумаги перед ним.

Он был одним из заправил Запада, но не великим полководцем или правителем вроде Абдара или Наполеона, не был он и великим философом вроде Платона или Магомета, он был просто лавочником, со всей хитростью и ловкостью мелкого лавочника, увеличенной в тысячу раз. Только вместо того, чтобы торговать горохом, орехами или запками, он вывел каучуковые плантации в Ост-Индии, деловыми плантациями в Индии, хлопком в Египте, газетями в Лондоне и центральной части Англии, пароходными линиями между Востоком и Западом, сталью и железом (не очень выгодное дело сейчас) в Англии, нефтью (с которой много хлопот в теперешнее время) в Персии и Афганистане, и, пожалуй, наилучшее вложение

капитала — заводами, выделяющими орудия и снаряды! Все эти дела отражались в беспорядочной игре шифр, с которыми он ничего не мог подсказать в такой жар. Все это он начал создавать много лет тому назад, когда был обыкновенным мистером Симпсоном, сыном строительного подрядчика из Ливерпуля; он не был последственным лордом; свое состояние он довел купил не так давно, в то время, когда циничный лемагот премьер-министр сделал это дешевым и доступным делом.

Он приехал в Индию потому, что правительство просило его, и, стремясь к дальнейшему почетным и признанию заслуг (а он хотел этого), он не мог отказать; это совпадало и с его собственными интересами и планами, так как действительное имя надо было изучить вопрос о даче на месте; он знал также, что были шансы, и шансы неплохие, вырвать хлопчатобумажные фабрики в Бомбее из рук индусских предпринимателей по ничтожной цене.

Если бы можно было заставить индусское правительство ввести запретительный таможенный тариф на японские товары, то из хлопчатобумажных фабрик снова удалось бы извлекать деньги, правда, не в Англии, но в самой Индии. Он знал, что теперь подходящая момент для покупки фабрик. Он тщательно распределил свое время. Неделя в Рачинчура, где по крайней мере будет немного прохладнее, чем в Бомбее, сутки в Бомбее, где не будет задержки, так как все заране будет устроено по телеграфу, затем на пароходе Ллойд-Трейстинг в Гоню и десять дней для дела недели на яхте в Средиземном море, если только не понадобится ехать прямо в Лондон.

Были моменты, когда великий лорд Хстон жалел, что он родился на пятьдесят лет раньше, когда измерения были действительно вышерей. Во многих отношениях это сделало бы его карьеру более легкой. Во время одной из своих постоянных забав с цифрами он вычислил, что в XVIII и XIX веках британский капитал в Индии на каждый инвестированный фунт вырубал пятьсот тысяч фунтов. Колоссально!

Когда все ушло, Эвина оделась, вышла в комнату Хстона и долго сидела, наблюдая за ним. Он не шевельнулся, когда она вошла, и не подавал признаков, что знает о ее присутствии. Он просто лежал с лицом, еще более опухшим и багровым, чем три часа назад. Майор Саффа сказал ей, что не следует заходить в комнату, пока болезнь лорда Хстона точно не установлена. Если это чума, сказано он, то опасно.

Она сидела и думала: — Так вот вы здесь, — не великий, чванливый лорд Хстон, хвастающий, спекулирующий и покупавший все, что угодно, — а обыкновенный, вульгарный Альберт Симпсон, сын мелкого подрядчика из Ливерпуля... Вы никогда не делали добра, если это не приносило вам выгоды и славы. Ради власти и денег вы губили людей, которые верили вам. Вы давали, больших пацками деньги на благотворительные дела, о чем хорошо распубликовывалось в ваших газетах, но это никогда не ускользало от вас, говорили, что вы великодушны, и все это служило для того, чтобы обелить вас, скрыть массу некривых дел и придушить критику врагов.

Вы продадите вашу собственную ролю, если это принесет вам лишнюю шаллинг и лишнюю унцию власти. В прошлом вы продавали ружья и снаряды туркам, и те убили в Галлиполи парней, которые пришли из вашей страны, людей, лучших, чем вы, шедших на смерть, в то время как вы сидели дома и извлекали прибыль из трагических нуль своего народа и писали неистовые передовые в своих собственных газетах, чтобы добиться продолжения войны. И сейчас, всего две недели назад, в Дели вы написали передовую статью, которая должна была запечатана во всех газетах Хстона. Это несомненно сделано для того, чтобы вызвать нездоровое чувства и злобу и привести к новым войнам.

О, вы очень ловки, вы используете свои газеты, шалты, фабрики, пароходы снова и снова, бесконечной цепью, навязывая за счет рабочих, держателей акций на самом чувстве гуманности. У вас никогда не было друга, которого вы не купили бы. Вы купили даже собственную жену — и это была плохая сделка, пожалуй, худшая из всех...

Перевод Н. СТАХОВОЙ.

В Госпитиздате к печати готовится новое издание романа Л. Толстого «Война и мир». На снимке: иллюстрации М. Родионова к роману. Слева — князь Андрей Болконский на пути в Отрандно, справа — Николай Ростов на параде.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГОЛЛАНДСКОГО ПИСАТЕЛЯ НИКО РОСТ МАРТИНУ АНДЕРСЕНУ-НЕКСЕ

Дорогой товарищ Нексе! Речь, которую несколько дней назад произнес в Брюсселе французский писатель Жюль Ромэн, в качестве председателя Международного пенклуба, и которую он, напервое, повторил и в Амстердаме, Лондоне, Осло, Копенгагене, Стокгольме и других городах, заставляет меня написать вам. Я не могу молчать о поведении этого писателя, поймете причины этого и полностью разделяю мои взгляды. Если сейчас человек, вроде Жюль Ромэна, вице-президент нашей организации, президент мировой писательской организации произносит речь, то это, конечно, касается всех писателей и публицистов. Тот факт, что он выступает за границы с разрешениями французских властей, исключает возможность того, что он высказывает что-либо, хоть немного отклоняющееся от взглядов правительства Даладе. Но встал вопрос, совпадают ли взгляды членов Международного пенклуба, от имени и как председатель которого Жюль Ромэн выступал, со взглядами правительства Даладе, высказанными им? Я не могу этому поверить.

Правительство Даладе! И запрещение газете «Оманите» и «Се суар», журналов «Коммон» и «Эрон» и др. является для нас ярким доказательством того, что свобода пера уже нанесен громадный ущерб! Об этом Ж. Ромэн молчит, но он все время повторяет, что Англия и Франция борются не за материальные интересы, что «Франция и Англия в этой войне являются защитниками тех взглядов, которые являются основой Международного пенклуба», и, конечно, что «миру угрожают только лишь тоталитарные страны, особенно Германия и ее настоящее правительство», — утверждения, которые встречаются ежедневно в английских и французских газетах и передаются по радио на весь мир. Не считаете ли вы, что подобными утверждениями председатель пенклуба подыгрывает нейтралитет тех стран, где он произносит эти речи? Разве он не понимает подобных речей позицию председателя Международного пенклуба, от имени и как председатель которого Жюль Ромэн выступал, со взглядами правительства Даладе, высказанными им? Я не могу этому поверить.

Наверное вы, как и я, часто вспоминаете в эти дни о сезде Международной ассоциации писателей в защиту культуры в 1937 году в Мадриде, Барселоне, Валенсии и Париже, в котором мы оба принимали участие. И думаю о наших французских друзьях Луи Арагоне и Ж.-Р. Бюве. Я не слышу больше их голосов, их журналы запрещены, их культурные организации распушены, и у них отняты средства существования. Что сталось с нашими друзьями? Интерпретированы они на стадионе Коломбо под Парижем или их уже расстреляли по разным лагерям в провинции? Обвиняют ли Луи Арагоне и Жан-Ришар Блока, — как и многих других французских товарищей, — в том, что они остались верны своим идеям и требовали немедленного мира для своего народа? Откуда Жюль Ромэн представляет себе право разбирать, кто из писателей «работает на пользу врагам нашей идеи»? Я ни минуты не сомневался в том, что и вы, дорогой друг Мартин, также глубоко уверены, что писатели, наши друзья, никогда не работали и не будут работать никакую пользу врагам нашей идеи. С 1933 года мы вместе с этими товарищами словом и пером боролись против подавления свободы народов. Эта борьба не связана с границами. Это доказал пример Испании, где немцы, французы и английские писатели боролись против угнетателей испанского народа. Если наша борьба не должна остаться историческим эпизодом, нам надо превратить ее в большое выступление против

темных сил, которые хотят помешать нашим коллегам участвовать в борьбе за свободу, против темных сил, которые хотят затронути нашу борьбу всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Теперь мы должны быть еще суровее к тем, которые хотят уничтожить свободу слова и пера, служащую миру и человеческому прогрессу. В настоящее время необходимо более, чем когда-либо, чтобы мы, как писатели и публицисты, были воинственными гуманистами. Надо разбавлять лживые уверения правительства Даладе и Чемберлена в их любви к демократии (которая в действительности является любовью к денежным сейфам поджигателей войны). И не член пенклуба. Вы же, напервое, является его членом. Не обратитесь ли вы в некоторых выдающихся членах пенклуба с вопросом, является ли членом господина Жюль Ромэна также и их мнение, и согласны ли они с тем, что наши коллеги, находящиеся на службе гуманизма, не смеют больше понимать свой голос, что газеты и журналы запрещаются, а они сами сидят в интерлагерах правительств, которые утверждают, что только они ведут войны во имя демократии. Не считаете ли вы, что мнение таких людей, как Бернард Шоу, Э. Синклер, Э. Хемингуэй, могло бы внести некоторую ясность в этот вопрос и не только улучшить, но и показать бы действительные намерения правительства Даладе и Чемберлена в борьбе ярком свете? Ваш НИКО РОСТ Голландия.

Мечта о счастье

Когда элемент сказочности вводится в реальную действительность нашего времени, это всегда заставляет читателя настроиться. Сказочный элемент в этом случае, как говорит о технике «допуск» условности. Всегда кажется, что деталь перекроет размеры катра, и сказочного взаимодействия частей не получится. Как и в технике, искусство имеет определенный минимум производственного риска, превышение которого превращает продукт творчества в брак.

Это правило целиком относится и к детской сказке. И хотя ребенок «допускает» больше невероятного и более полагается условностям сказки, но зато он более требователен к оправданности сказочного элемента.

Авторы сказки «Голубой ковер» замечательно переделали элемент фантастики народного фольклора с большими идеями сегодняшнего дня о народном счастье.

В сказочном, введении фантастического элемента в начале этой сказки несколько неудачливо. Книга начинается в совершенно реалистичных тонах рассказом о мире у богача Кара-бая, и только по десятилетней нежданно появившейся говорящая змея, и также фантастический элемент начинает преобладать. Такое неожиданный смещение планов не оправдало.

Между тем сказка «Голубой ковер» является удачей для авторов. И очень жаль, что многие небрежности снижают качество материала, достигнутого более тщательной обработкой.

Сюжет сказки «Голубой ковер» заключается в следующем: богат Кара-бай отнимает у бедняка Рахима его единственное сокровище — голубой ковер, сотканный слепой Голь. Таинственный узор ковра должен указать путь к счастью. Разгадать тайну голубого ковра сможет только самый мудрый человек.

Злые силы помогают Кара-баю овладеть ковром и запереть Рахима в тюрьму. Но его дочь, маленькая Хойт, при помощи добрых сил овладевает ковром и, пройдя через множество препятствий, приходит к самому мудрому человеку. В Кремле Хойт встречает Сталина и берет ее к Ленину. Ленин разгадал тайну ковра:

«Слушай, Хойт. Вот что выткала слепая Голь на голубом ковре. «Дети моего народа! Возьмите меня и яйте на тех, кто владеет вашей землей. В битве возьмите ее и трудитесь на ней для себя. И тогда земля станет прекраснее той, что выткала на этом ковре».

В руках Ленина и Сталина голубой ковер начал расти и покрывал всю землю. Хойт увидела, что в ямы и огни появились народ и победил своих врагов. Хойт возвращается в свою страну и рассказывает народу, как надо бороться за счастье. Бедняки поднимаются против баев. Баи побеждены, и в стране торжествует новый закон Сталина о колхозном счастье.

Отец Хойт — Рахим, убежав из тюрьмы, покидает родину землю и колхоз скитается в горах, спрашивая всех, не видел ли кто-нибудь его дочь.

«О, могучий ора! Ты летаешь выше всех птиц. Тебе видна вся земля. Не встречал ли ты девочки по имени Хойт? Она одета в рыжий халатик. У нее тридцать черных косичек и заплаканные глаза».

Ора помогает ему подняться на вершину, откуда Рахим видит новую землю и не узнает ее. «Там, где раньше жили мертвые, пустыни, зеленели сады и поля».

Мой голубой ковер! — кричал Рахим и побежал влево, в холмы».

Земля, поля, вода дают ему свои дары, потому что они принадлежат народу».

А. Гольберг и Л. Лесная. «Голубой ковер». Москва. Детиздат. 1939 г.

«ЗЕМЛЯ В ЯРМЕ»

В Государственном издательстве «Художественная литература» вышло на печати и в ближайших дни поступит в продажу новое издание романа Ванды Васильевской «Земля в ярме».

Роман открывает статью Ванды Васильевской, опубликованной в «Правде» 27 октября 1939 г.

Книге предпослано также краткое предисловие М. Маркушевич — «Правда о Польше», в котором дана характеристика творчества автора трех переведенных на русский язык книг — «Облик дня», «Родина» и «Земля в ярме».

В Государственном издательстве «Художественная литература» вышло на печати и в ближайших дни поступит в продажу новое издание романа Ванды Васильевской «Земля в ярме».

Роман открывает статью Ванды Васильевской, опубликованной в «Правде» 27 октября 1939 г.

Книге предпослано также краткое предисловие М. Маркушевич — «Правда о Польше», в котором дана характеристика творчества автора трех переведенных на русский язык книг — «Облик дня», «Родина» и «Земля в ярме».

В Государственном издательстве «Художественная литература» вышло на печати и в ближайших дни поступит в продажу новое издание романа Ванды Васильевской «Земля в ярме».

Роман открывает статью Ванды Васильевской, опубликованной в «Правде» 27 октября 1939 г.

ПЕСНИ И РАНЫ

«Радостной душой любил он жизнь и мир, людей и вещи».

(Ав. Исаакян, «Мастер Каро»).

Сурен ГАЙСАРЬЯН

«Песни и раны» — так называлась первая книга стихов А. Исаакяна, вышедшая в свет в 1938 г. Включая оригинальность, зрелость и полноту мастерства молодого поэта сделали его дебют исключительным событием. «Песни и раны» могут быть поставлены в этом смысле наравне с «Трофеями» Х. М. де Арена или с «Престами зла» Ш. Бодлера.

«...Прохладной ночью, когда звезды оклеветали думу, а птицы призывали поэта, вдохновенный певец ударил по струнам сердца, и струны дрогнули... где-то в глубине увиделась лишь одна струна — струна любви».

Так Исаакян определяет главную, основную струну своего творчества. Поэт принес миру сердце, наполненное любовью, он рад был щедро называть эту любовь в звонких песнях, славящих природу и радость любви.

Поэту, да свете песни и раны были неразлучны. И быстро миновала пора, когда поэт, по собственному его слову, мог «плакать без муз и любить без возлюбленной».

Поэт, который пришел в мир, чтобы возлюбить его, который берет в глубине жизни лишь одну струну — струну любви, столкнулся лицом к лицу с действительностью капиталистического мира, с его системой бездушного насилия, обмана и эксплуатации, возмущенной на крови и слезах.

Исаакян грустно напевает своей песне: «В этом колючем мире, среди каменных сердец, песнь моя, для тебя нет достойного места, ты — залетная птица среди голых камней, ты — жизнь, ты — страдания, вокруг все бесчеловечно».

Но и в раннем творчестве Исаакяна мы находим не только мотивы одиночества и скорби. Муза его рождает гневные слова против социального неравенства:

Богачи едят, пьют за обильным столом. Мы — пасынки мира. У нас нет своей доли. Богачи нищий, изнывая. Из каменистой почвы добывает хлеб. Возы хлеба он посылает богачам. И богачи правят и наслаждаются».

Так в лирику Исаакяна врывается буря гражданского гнева, оловянную тень прерывает мужественные мотивы борьбы. Обращаясь ко всем, «кто выковал пени для своих рук», «кто своей горькой обильный пот превратил в проклятие и бремя», поэт зовет к восстанию против мира угнетения и эксплуатации.

Я точу твои вымки. Выпрямляю твою руку. Как мятельную змею пустыни. И в твою окаменевшую глотку Вливаю меч страшной правды».

Творческая эволюция Исаакяна шла, правда, сложным, извилистым путем. Он в свое время отдал дань и моде символизма. Особенно в последней части книги «Песни и раны» сильно выражены шпанские мотивы и индивидуалистические устремления. Однако эти настроения отнюдь не чужды поэту. И не потому ли язык «Звонков» так часто сух и безжизнен, что тут «соловей Мангаша» пел не своим голосом

По характеру своего дарования, по своему своему мироощущению А. Исаакян по преимуществу лирик. Лучшие странички его творчества — это глубоко народное, замечательные песни о любви и родине. Им он, прежде всего, обязан своей громкой славе.

В одном из своих стихотворений поэт выражает желание прожить тысячу и одну жизнь, чтобы тысячу жизней без остатка отдать родине, а одну сохранить для того, чтобы воспеть час ее освобождения. Стихотворения «Сон» и в особенности «Колокол свободы» страстно призывали братские народы Кавказа к освобождению от рабства против паризма.

А. Исаакян пел также песни о чужбине, столь характерные для многих молодых армянских поэтов. Сильновыва тоска по матери-родине, любовь к родной земле, ее дарам и красоте — лейтмотив этих песен.

И все же А. Исаакян всегда и неизменно остается верен своему основному и главному призванию поэта любви. Он со-

знает неизбываемые образы романтической любви («Фей озеро», «Раскака алуга», «Валлада», «Сказка», «Вечная любовь» и др.).

У поэта ощущение любви сливается с ощущением жизни. Радость бытия раскрывается ему в любви. — только любящий познает всю красоту мира».

Нежные птицы сладко поют — Кто поймет их язык? Тот, кто плакал от рыданий. Кто во сне превращался в птицу».

Исаакян вместе с Саади повторяет: «Любимое сердце всегда слышит слова, которые шепчут вещи».

«Без любви мир не стоит дыма моей трубки», — говорит один из героев Исаакяна («Мастер Каро»).

Мир, по Исаакяну, находится в постоянном состоянии любовного объяснения. Роза, пробив изумрудные доспехи, распухает и благоухает — это любовь! Человек, востановивший на тьме и брошенный ею смертью, — это любовь! Любовь побеждает страдания и смерть. Любовь — это жизнь. Этим жизнеощущением пропитаны почти все повести Исаакяна.

Далеко оперев Исаакяна к восточным сказаниям («Лилит», 1927 г.) основал преимущественно на этом жизнеутверждающем оптимизме и любви к миру. Под пером поэта европейские, иранские, китайские, индийские, монгольские легенды, словно мощный многоголосый хор, поют славу любви и жизни.

Но Исаакян хорошо знает, что в мире, где надо быть «холодным или рабом», «молотом или наковальней», радость жизни омрачена, а любовь извращена.

Протест против мира зла и насилия, выраженный еще в ранних «Песнях и ранах» поэта, с особой силой прозвучал в его знаменитой поэме «Абуль-Ала Маари». Герой этой большой лирической поэмы, чужацкий в форме арабской кавалиты, — знаменитый арабский поэт Абуль-Ала. Поэма эта бесспорно принадлежит к лучшим произведениям демократической литературы, запечатлевшей протест одинокой личности против песей капиталистического рабства.

Социальные мотивы в творчестве А. Исаакяна наиболее ярко и полно выражены в поэме «Мгер из Сасуна», законченной им уже в советский период.

Выбор поэта не случайно остановился на Мгере-Млашме. Это самый глубокий и интернациональный образ гениальной армянской народной эпике «Давид Са-

сунский». В образе Мгера, великого отшельника, инцугера правды и справедливости на земле, А. Исаакян сконцентрировал все идейно-художественное богатство эпохи, наделив своего героя чертами всех самобытных богатырей.

Мгер в поэме Исаакяна зовет полюбивший люд к борьбе со старым корыстным и злым миром, к установлению общественного строя, при котором «трудящийся станет хозяином труда своему и хлебом своим».

А. Исаакян долго блуждал, он многие годы не находил настоящего пути к человеческой правде, к новому миру. По счастью боролся со старым миром. За это и за высокие поэтическое мастерство лирик Исаакяна советский народ.

О чем бы ни шел поэт в каждой песне его бьетась живое сердце, пульсирует горячая кровь. Истинный, неподдельный чувственный соет все его песни. Эта непосредственность чувств и искренность предельной, ясность и простота стиля, высокая эстетическая поэтическая речь, всегда светлая, колоритная и ароматная, — таковы неотъемлемые черты его творчества.

А. Исаакян — выдающийся мастер поэтической композиции и ритмики. С предельным искусством применяет он народные образы, шпидеты, сравнения, тропы и фигуры и воссоздает дух народной песни, ее сочность и красоту. Чувство меры, никогда не покидающее поэта, обуславливает внутреннюю гармонию и классическую законченность его творений.

Для прозы Исаакяна так же характерна глубина и ясность. Крупнейшее прозаическое произведение поэта «Мастер Каро» — плод двадцатилетней работы — и сожалею еще полностью не опубликовано.

Продолжая замечательные поэтические традиции армянского средневековья, имея в своей поэтической росословной тапих творческие слова, как Нагапет Кучак и Саят-Новая, А. Исаакян не чужд также великой великих восточных и западных литератур. По все эти влияния им творчески переработаны, сильнейшим источником вдохновения для него неизменно служат народное творчество.

Величайшая заслуга А. Исаакяна в том, что, облизив юз предела свое творчество в народной стихии, он сумел выпалить в нем идеи гуманизма и интернационализма.

Место Исаакяна — в ряду крупнейших армянских поэтов, его по заслугам ставят Гейне Востока и Саади Запада.

Остаётся пожелать, чтобы прекрасные произведения Исаакяна были поскорее переведены на русский язык, чтобы русский читатель получил возможность широко ознакомиться с творчеством поэта.

Портрет сказательницы народных сказок А. В. Морозова (тнчихи-многостанонницы, 67 лет, г. Калинин). Художник Ф. С. Шурпин.

Первый русский путешественник в Индию

Мало кто знает, что первым европейцем, проникшим в Индию и описавшим ее, был русский. В середине XV века, в тяжелые годы татаро-монгольского владычества, Русь вытиснула человека, который не только по четверть века раньше Васко де Гамы посетил далекую Индию, но и остался о том талантливые литературные записки, полные выдающегося интереса, насыщенные своеобразной красотой литературной речи.

Греческой купец Афанасий Никитин, отправившись в 1466 году по Волге в Ширванское княжество, был отграбен по дороге. Стремясь раздобыть средства, необходимые для возвращения на родину, он прошел всю Персию, а затем с острова Ормузда пошел коня в утлой лодке через океан на прощанье в Индию. Здесь, в затерянной бухте, он пробыл четыре года. Вынужденная жизнь на чужбине была полна приключений. Когда тоска по родине, наконец, переизлилась через край, Афанасий Никитин все бросил и по закрытым дорогам панкорок очустился, пошел на Русь. Не добой до Твери, он умер в Смоленске, уже на родине культуры. Остались лишь его записки, его культурный мемуар.

Событие в Калинин, на родине Афанасия Никитина, вышло книжка Л. С. Баранова «Афанасий Никитин — первый русский путешественник в Индию» («Жизнь за три моря»). Это — первое советское издание об Афанасии Никитине.

История и география здесь переплетаются с литературой. Словами сухими, но теплыми, выверенными, говорящими о предметном образном мышлении, автор воссоздает облик мужественного и пытливого, озабоченного, но скромного, для своего времени высококультурного человека. Это невольный и конструктивный портретный очерк на заглянув тему. В книжке господствует исторический материал, и автор, историко-географ, стоит на уровне своего материала. Это позволяет ему давать как бы мимолетно и фактически детали — преимущество, которым в литературе обладает специалист.

Задумав дать картинное изложение, автор применяет акрилатию: описание отъезда из Твери и плавания по Волге, хронологическая последовательность событий в Индии, — то, что отсутствует в записках Афанасия Никитина, автором литературно домыслено, на наш взгляд, в общем удачно, хотя с отсутствием точных указаний здесь возможны различные толкования.

Ценнее г интереснее домыслы, по известности замысла, в характеристике душевного облика Афанасия Никитина. Здесь есть высокая оценка, но нет выразительного желания приписать героя — вышедшего лишь его япо фантастические рассказы о тех странах, где он не был, и некоторые ягривые подробности любовной встречи в Индии.

Зато в новом свете и, как нам кажется, достаточно убедительно показаны неустойчивая любовь Афанасия Никитина к родине, к Руси в целом, отсутствие у него удельных предрассудков, желание видеть русскую землю единой, близость к передовым, рационалистическим идеям своего времени.

Не все в книге удачно. Индийский период путешествия местами выделен бланжно, был интуитивен, не ощущается зрительно, как ощущается, скажем, Тверь. Есть и ошибки — например, суждения Афанасия Никитина о морских приливах, видимо по недомыслию, перенесены с Индийского океана на Каспийское море. Попытки стилизации, кое-где примененные, выпадают из общего текста.

Но все эти минусы не загораживают главной идеи в повести. — идея, нам крайне близкая. Мы видим Афанасия Никитина глубоко русским человеком, горячим посетителем идей патриотизма. Нам, советским людям, он вдвойне близок за то, что в свой век он посетил сказочную страну Индию не с мечом, а с посохом, не как враг, а как друг интуитив.

Афанасий Никитин — выдающееся явление в культурной истории Руси. У нас пока не все еще сделано, чтобы замечательного, возделитель и почти до широкого читателя его замечательный образ. Нам, поэтому, центральное издательство еще вернуться к этой теме.

Н. МИХАЙЛОВ

«Дружба народов»

Подготовлен к печати четвертый номер альманаха «Дружба народов». В номере, как обычно, большой поэтический отдел. Первое место в нем занимают стихи о товарище Сталине. Здесь печатаются фрагменты из поэмы О. Шарава «Песня о счастье», главы о детстве вождя из поэмы Г. Леонидыч «Простецав дуга, отрывки из поэмы Г. Абашидзе «Восемь в черном городе» и поэмы Тельма Масенио «Город Горь» переводы стихов с украинского, еврейского, армянского, грузинского, казахского и таджикского.

Большой интерес представляет «Енисейская легенда» — о пребывании товарища Сталина в ссылке, написанная А. Ольховым по мотивам народных сказаний.

В этом же отделе, посвященном товарищу Сталину, напечатана рассказка грузинского писателя Р. Коркия «8 марта» — о руководстве товарищем Сталиным стачечным движением в Батуми.

В разделе современной художественной литературы печатаются на этот раз сравнительно много художественной прозы: две новеллы грузинского писателя А. Белланишвили, рассказка абхазского писателя И. Кокосерия «Мать» и новелла туркменского писателя Цурмулуда Сарыханова «Мечта». А среди стихотворений напечатана большая посмертная поэма скончавшегося на днях народного поэта Адамыя Пуга Теуцава «На родине».

Отдел классики в этом номере посвящен писателям западных областей Украины. Здесь напечатаны в переводе Е. Ляшко, В. Росоельса и М. Богданова ряд повестей Василия Стефанова и отрывок из повести Ивана Франко «Борислав смеется».

В отделе фольклора нужно отметить новые фольклорные записки о Ленине и Сталине, две песни витязских звонков, записанные в Бурят-Монголии, и рассказы и сказки известного армянского сказателя Ф. Кошакова.

О вреде подражания

Нельзя сказать, что герои повести Л. Канторовича «Бой» — Борис Горбов мало в повести действуют, как не имеют возможности проявить свой характер. Нет, он полог и в упорном ходит на лыжах, отлично боксирует, любит девушку, читает книги, сражается с нарушителями границы, он связан узками самоотверженной дружбы с другим героем повести, словом, он охарактеризован с множества сторон, и с какой стороны на него ни взглянешь, поступи его неизменно выйдутшши и близорукими.

Но все это почему-то не складывается в представление читателя в естественный и определенный человеческий характер, а остается ариметической суммой условно-человеческих и условно-положительных черт, приписанных не вызывающему почему-то симпатии розоволитому юноше.

При всем этом нельзя не отметить, что Борис Горбов сочинен не просто для того, чтобы показать, какие бывают на свете юноши. Он придуман читателю в назидание, и Л. Канторович, рассказывая о нем, хочет вызвать желание подражать Горбову, желание стать на него похожим. Словом, по всему судя, этот юноша автору повести до чрезвычайности нравится.

Остается предположить, что он видит в нем нечто такое, чего нельзя разглядеть, просто читая повесть. Надо полагать, что образ Бориса Горбова вызывает у автора какое-то ассоциативное, не доступные взгляду читателя.

Это, по-видимому, так и есть, потому что иначе Л. Канторович, написавший повесть

давно совсем неплохую повесть «Полковник Корнухов», не стал бы изображать в виде положительного героя такого эгоистично и неестественно благонаправленного юнца.

Но не будем притворяться, будто мы не знаем, какие именно ассоциации вызывает у Л. Канторовича герой его повести. Слагать прямо. Эта повесть представляет собой усеченную композицию двух рассказов Эрнеста Хемингуэя — «Броскаутури по снегу» и «Пятьдесят тысяч». Образ же Бориса Горбова есть не что иное, как герой Хемингуэя — Ник Аламе, перенесенный на советскую почву. И даже язык повести Л. Канторовича — точная копия повествовательной манеры, характерной для русских переводов из Хемингуэя.

Как бы мы ни отослались к творчеству Хемингуэя, все эти обстоятельства не могут вызвать у нас симпатии к повести Л. Канторовича.

В самом деле, это похоже на то, как если бы человек, которому понравился какой-нибудь костюм из ком-нибудь из его знакомых, вместо того чтобы снять себе такой же, взял бы и натянул на себя этот самый костюм.

Эрнест Хемингуэй — величайший писатель, у которого можно много научиться. Но он до чрезвычайности американский писатель, то есть, как великий большой художник, очень ярко представляет свое время и свою среду. Кроме того он, как великий художник, очень интуитивно чувствовал и в этой своей индивидуальности чрезвычайной силой. Поэтому учиться у него нужно с умом, а подражать ему без риска превратиться из его ученика и последователя в бледное его отражение — попросту невозможно.

Герой рассказов Хемингуэя Ник Аламе — печальный, одинокий, естественно-мужественный молодой человек, в котором даже самое обаяние его окрашено обреченностью. Это, по-видимому, типичный американский юноша поствоенного поколения. Он изображен очень подробно, тонко и точно. Пытаться что-нибудь в нем изменить, чем-то

его образ дополнить — предприятие ненужное и невыполнимое.

Между тем Л. Канторович, почувствовав симпатию к этому герою (что, кстати, весьма понятно, потому что Хемингуэй умеет заставить полюбить своего героя, если он сам к нему расположен), решил слегка видоизменить его и представить читателю в виде идеального советского юноши. Причем, будучи достаточно осторожным, он никак не характеризует Ник Аламе, а только удаляет из него кое-что, принося, тем самым, подражание оставшемуся розовой краской.

Результат оказался совершенно неожиданным. Перед нами возник молодой человек с розовым, ничего не выражающим, ласковым лицом, очень похожий на тех, которых изображают на коробках с зубным порошком, и ничем не напоминающий ни Ник Аламе, ни советского юношу, каково намерение был изобразить Л. Канторович.

И как ни уверяет нас автор, что герой его умел, великодушен и храбр, мы никак ему в этом не можем поверить. Словом он блондиран в каком-то совершенно неверном смысле этого слова.

Можно ли при этих условиях рассчитывать, что у читателя повесть вызовет желание стать похожим на ее героя?

Помимо намерения убедить нас, что Борис Горбов идеал нашего времени, Л. Канторович пытается доказать в своей повести несомненно истин, имеющих общий характер. Первая из них состоит в утверждении, что дружба между мужчинами — вещь, чем их любовь к женщинам, и вторая — в том, что занятия спортом делают человека причисленным к войне. По-видимому, доказываются, что боек как таковой заслуживает всяческого поощрения.

Что касается мнения Л. Канторовича о любви и дружбе, то оно принадлежит к разряду тех мнений, которые не вызывают

желания ни спорить с ними, ни соглашаться. Как говорится, вопрос не блещет интуитивностью. Что же до размышлений о спорте, то они, разумеется, справедливы, но иллюстрируются они в повести с применением такого количества социальный, случайных случайностей и такого естественного вмешательства автора в действительный ход событий, что поневоле начинаешь думать не так, как этого ему ла и тебе самому бы хотелось. Кстати, об авторском детонизме. Он — лишь слабыесть основной ошибки в замысле повести. Из-за того, что Борис Горбов начисто лишен какого бы то ни было характера, он не в состоянии оказывать воздействие на ход событий и наприхват невольничестве даже в самых напряженных ситуациях. Как же автор не вмешиваться в ход развития действия, как же не пытаться помочь своему герою сделать или сделать то, что на его месте сказал бы и сделал любой другой человек. А ответа рубой пожать до совзаний и случайных случайностей.

В одной из комедий Гольдони, когда в последнем акте героиня появляется в месте, где ее никак нельзя было видеть, автор ставит одного из героев отметить: «Ее приход напоминает сцену из комедии, Еврипида как раз те, которые требуются по ходу действия».

Л. Канторович не утрачивает себя подобно рода забвениям. В тот момент, когда в повести наступает время продемонстрировать оборонное значение спорта, Бориса Горбова без всяких видимых оснований вынуждают воевать. У него, правда, есть возможность попросить отсрочку, но как на грех он отказывается и дурой комиссара с одним очень притетным своим знакомым, который как на грех протест комиссара о том же. Борис решает и о том не думать. Его признают в армию и как будто парочку, чтобы дать возможность автору устроить все, как ему требуется, предлагаю выхватить через три часа, что лишает его возможности объяснить с любимой девушкой. А через очень короткое время в ту же часть приезжает его лучший друг. Происходит такая сцена:

«Андрей протянул руку, но Борис бросился к нему на шею. Они крепко обнялись».

— Так вы знаете друг друга? — сказал дежурный.

— Знаем, — сказал Борис. — Чуть-чуть знаем».

Андрей тихо смеялся.

— Это здорово, — сказал дежурный, — он же к тебе на заставу едет!

— Врешь! — крикнул Борис. — Чорт возьми!».

То необыкновенное созвездие совпадений, которое здесь продемонстрировано в нескольких строках, в повести размещается немногим просторнее. Там все это происходит на пяти крошечных страничках. Как видит читатель, в книге не всегда все совпадает так же, как в жизни.

Но можно ли требовать правдоподобия в описании приключений героя, который недоволен сам по себе. Воль если бы Борис Горбов был сколько-нибудь более реально, он бы воспринимал автору в его стремлении воспроизвести события в повести столь симметрично и гладко. В нынешнем же своем виде этот юноша без особых примет беспроблемно поддается всем великим элементарной сложной техники и поступает, думает и говорит всякий раз именно так, как это требуется автору.

Нет! Героя нашего времени ни в коем случае не следует изображать по способу, избранному Л. Канторовичем в этой повести. Из смещения персонажей, выхваченных у самых лучших иностранных писателей, с собственными, плохо продуманными представлениями о человеческом идеале, ничтожного по сути получиться не может. Вель Л. Канторовичу не помогли в этом деле ни самые лучшие намерения, с какими он брался за осуществление своего замысла, ни добросовестно скопированные с хемингуэевских описания бояса и холбы на лыжах. Поневолье приходишь к не новой мысли, что добросовестное копирование в литературе, так же как и в живописи, должно носить чисто учебный характер.

Творчество Шариф Камала

В. НАГЕЛЬ

«ТВОЙ СЫН»

ПИСАТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ

НА ЗАСЕДАНИИ ПРАВЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ССП

Специальное обследование, проведенное бюро Лесковской секции по поручению президиума ГО ССП, подтвердило правильность многих нареканий на работу Детлага.

Ленинградское отделение Детлага, — заявил на заседании правления ГО ССП председатель комиссии тов. Бармин, — работает плохо, работает без настоящего размаха и без перспектив. Что за последние два года вышло такого, чем можно было гордиться издательство? Какие книги были им изданы или подготовлены?

Если можно говорить о таких «книжках», как «Пароход» В. Житкова, «Лесная газета» В. Бианки или о трех детских книжках М. Зощенко, то в появлении этих книг меньше всего повинно издательство. Напротив, книга М. Зощенко «Умные животные», вследствие своей неосмысленности, была встречена редактором Детлага с явной оспкой, и только имела ее автора помощь книги увидеть свет.

Но одно из наших издательств не обладает такими возможностями, которые советское государство предоставило Детладу. Но эти возможности не используются.

Происходит это вследствие замкнутости издательства, оторванности его от писателей. Издательство не считает нужным обсуждать с писателями своих планов, советовать даже в самых ответственных мероприятиях. Предпринимая такое сложное дело, как новый перевод и издание «Алисы в стране чудес», издательство поручает эту работу случайным людям. Единственное из всех ленинградских издательств, Детлагат не имеет редакционного совета, куда входили бы детские писатели.

Очень мешает также ухудшению работы издательства низкая квалификация многих его редакторов.

Установившие в прениях соглашения с вышедшим комитетом. Однако завернутого обсуждения вопроса не получилось. Руководители издательства не сочли нужным выступить ни с опровержением нарисованной докладчиком грустной картины, ни с ее подтверждением. А так как спорить было не с кем, то прения быстро устали, закончившись принятием довольно общей резолюции о необходимости укрепить редакционный совет издательства и шире привлекать к работе внештатных редакторов из числа квалифицированных писателей.

Значительно больше огорчения и полемик вызвало предложение 22 ленинградских критиков о разделении секции критиков и интерпретаторов на две самостоятельные секции. Литературоведы темперментально настаивали на сохранении организационного единства с критиками, а те предлагали: «Давайте, разделите, а потом посмотрим, какая секция будет лучше работать».

В результате оживленных прений, в которых приняли участие М. Слоимский, В. Лаврентев, Р. Мессер, проф. Писанков, И. Гринберг, было единогласно решено создать самостоятельную секцию литературоведов.

Точно установлен план заданий к годовым сессиям В. В. Маяковского. Годовицик выпускает сборник статей и воспоминаний о В. Маяковском, куда войдут воспоминания О. Врика, В. Шляпникова, М. Катанова, Н. Тихонова, В. Лаврентева, М. Слоимского и других. В издательстве Академии наук выходит сборник, в котором будут помещены исследования о Маяковском и публикации, в частности документальная «Комедия о Маяковском», принадлежавшая перу поэта. В издании Уч. зап. войдет три монографии: А. Дымина, С. Сносковского и альбом-монография «Маяковский в сатире». Издательство «Советский писатель» выпускает «Памятку» о биографии Маяковского и трехтомник избранных произведений поэта.

В комитет по увековечению памяти В. Маяковского от ленинградских писателей выделены гг. Прокофьев, Тихонов, Тянь-нов, Браун, Спаский, Саянов, Фенатов, Островский, Дымшиц, Орлов и Цеховичер.

На заседании были приняты в члены союза советских писателей критик К. Лерман, В. Шиндлер, А. Лесков, В. Балаяска, В. Мостельман и Н. Аванешков.

А. Д.

Двадцать пятого февраля исполняется 30 лет творческой деятельности классика татарской литературы Шариф Камала. Шариф Камал родился в деревне Печеты, бывшей Пензенской губернии. С 17 лет начинается его скитальческий путь: в качестве переводчика он едет с татарскими купцами в Константинополь, работает сезонником на шахтах в Донбассе, рыбачит на промыслах Каспийского моря, работает учителем, хлебопашем, счетоводом, корректором, сотрудником газет.

Уже первые произведения Камала заставляют нас задуматься над критикой из лагеря национальной буржуазии. Его повесть «Воронье гнездо» и новеллы свидетельствуют о большом, своеобразном таланте, родственном таланту М. Горького и некоторыми своими чертами напоминающем А. Чехова.

Все свое творческое внимание писатель отдает теме труда, прокатого в капиталистическом обществе. Автор правдиво и бесжалостно показывает картины чудовищной эксплуатации шахтеров и рыбаков, их патристического быта, их искореняющей психологии. Голод, вода, вечная угроза остаться без крова и работы ожесточают людей, создают ад в их личной жизни. Писатель не боится показать неутомимую, непрекращающуюся действительность этого времени. Но от его пронзительного взора не ускользает то светлое, что таится на дне души его героев. Способность к глубокой и бескорыстной любви, к благородной дружбе, влечению к музыке, любовь к природе, мечтательность, личность — все это в большой степени свойственно героям Камала.

Автор в своих революционных произведениях не скрывает социальных причин кошмарной жизни своих героев. Он прокладывает к истории классовой борьбы. Он пишет: «В моих революционных произведениях классовые противоречия отражены слабо, моменты классовой борьбы совсем затухают». Но глубокая симпатия к своим героям, гуманные чувства, которыми наполнен их автор, и художественная правда в изображении их жизни придают его повелам прогрессивный характер.

Как и Горький, Шариф Камал в пролетарии видит творца жизни, угнетенного, ископаемого, но подлинного.

Изобразив бедных шахтеров и полуголодных рыбаков как гуманных людей, Шариф Камал тем самым встал на защиту рабочего класса. Это повали буржуазные националисты и чиновные либералы, когда пытались увести писателя от его тематики, стараясь доказать, что она спускает искусство. Но маневр их не удался. Камал остался верен своей теме.

С особой проникновенностью и мягкостью рисует писатель в своих повелках и повестях образ женщины. Нелзя забывать, что в те годы положение татарской женщины было рабским и униженным. Вступиться за ее права не решались даже либерально настроенные люди. Вековые традиции, освященные религией, были сильны и в рабочей семье. Понятно поэтому, какое впечатление должна была произвести на читателей повелка «Броуждение», где очень тонко описаны разлука и переживания молодой женщины, выходящей на положение младшей жены, испытывающей на себе двойной гнет тиранов.

Пленительный образ Газизы в «Чайке». С первого взгляда ей отведена в повести второстепенная роль. Однако незримо она ощущается в каждой странице этой книги. Акварельные краски, полтона, терпеливые очертания в сумерках и снова приобретающие отчетливость в сиянии утра, — таковы особенности этой колоритной повести. Газиза почти не действует, но ее образ передается людям. При ней смягчается ожесточенное сердце обманутых и ослепленных рыбаков, замирают на устах проклятия и ругань и входят непроизвольные нежные слова.

Газиза работает сортировщицей — трудолюбиво, без жалоб. Ее все уважают.

А. ФАЙЗИ
и Э. ШАКИРЖАНОВ

По природе застенчивая, она, однако, в решительных случаях жизни твердая и в горе мужественная. Впрочем, эти черты ее характера выпростываются уже в другом произведении Камала в романе «На заре».

Образ Мариам в «Вороньем гнезде» волнует своей предельной скромностью и высоким чувством дружбы, которой она обладала горькую жизнь старика-мужа Усмана. И так важно это чувство, что не замечая жертвы, приносимой молодой женщиной.

Подчеркывая благородство чувства и поступков женщины, писатель вместе с тем наделяет их богатством мыслей и любовью к труду. После тяжелого трудового дня Усман вслух мечтает о том счастливом времени, когда он соберет, наконец, немного денег и уедет в деревню. Мы откроем, говорит он, маленькую лавочку. Мариам дружелюбно корректирует мечту своего мужа. Указывая на свои мохлястые руки, она возражает — разве она не сможет работать, разве не радостнее возделывать своим трудом землю, чем торговать.

Эта Газиза при отъезде рыбаков в конце сезона приходит мысль о бесральных чайках. И это она в будущем («На заре») будет верной спутницей его, уже не беспомощных, а окрепших великой идеей коммунизма людей.

Наиболее угнетаемая среди угнетенных, женщина не теряет человеческих достоинств, и на фоне ужасного быта, кошмарных жизненных сплет, пыльных скандалов и истерик она маячит укором обществу.

Такой ее изобразил Шариф Камал. Большое место в творчестве Камала занимает сатира. Этим жанром писатель владеет в совершенстве. Стрелы своей сатиры он направляет против националистов и либеральной буржуазии. Ему повелемствен шовинизм. Он понимает его политическую роль.

Зако смеются буржуазные националисты в повелке «Самру-кош». Автору снится сон. Является человек и показывает ему газету. Восемь страниц сплошных объявлений. Пришлось потешиться даже гитубному захоловку, нарисованному пестиком. По указанию гостя автор с трудом находит объявление о летнем составлении, в котором участвует наряду с турками, персиками, арабскими, бухарскими и другими летчиками знаменитый татарский летчик Гайнетдин, изобретатель машины «Самру-кош». Условия конкурса таковы: кто первый достигнет солнца, должен вбить в него гвоздь и повесить на гвоздь свою шапку.

Автор с неподражаемым юмором изображает машину настолько простой конструкции, что «стоит только немного стукнуть по этой кнопке (находящейся, кстати, сзади самолета), как «Самру-кош» устремится вверх». Но вот машины взлетели. Не успела публика отнаться, как заметили, что вокруг солнца вертятся какой-то черный предмет, как пчела вокруг калены с медом. Это Гайнетдин первый добел до солнца, вбил в него гвоздь и повесил татарскую шапку...

«Надо сказать Гайнетдину, чтобы он три-четыре дня не снимал оттуда шапки... Пусть увидит Вероша, кто такой наш брат!» — сказал всеми чтимый седелоборный старик.

Этим произведением не кончается. Публика не расходится. Возникает идея об аэциоперных обществах, сооружении гигантских воздушных пароходов и т. д.

А между тем какой-то маленький уродливый человек уселся, подошел к каждому и пазойливо убеждал:

«Братья! Надо отслужить молелем. Ведь такие сборища случаются не часто».

Так в злой сатире обнажаются суть на-

ционал-шовинизма, показываются корни его происхождения и расширяются смысл и значение буржуазной философии.

Новеллы Шариф Камала отличаются законностью. Короткие диалоги, раскрывающие душевное напряжение героев и очерчивающие их характер, прерываются иногда лирическим рисунком природы, являющимся как бы ремаркой. Мастер пейзажа, Камал, однако, пользуется им как вспомогательным средством для более убедительной характеристики действующих лиц и их поступков.

Из повестей наибольший интерес представляет «Чайка», сделанная в виде отдельных повел, связанных между собой единством темы и настроения. Здесь мастерство писателя достигло своей высшей точки. По стилю писем — реалистическое, в котором четкость деталей, мягкий юмор и лирический колорит оставляют единое целое, — эта повесть напоминает лучшие рассказы А. Чехова.

Другая повесть, самое раннее произведение Камала — «Воронье гнездо» написана в том же стиле. Здесь краски ступенчатые. Язык перенос и не так точен, как в «Чайке». Во всей повести чувствуется некоторая мелодраматичность. Но она — в острой наблюдательности автора, в художественной правде, окрашенной чувством гуманизма.

Обе эти повести написаны в революционные годы, когда автор еще сам не понимал до конца классовых противоречий. Неудивительно, что и герои их, даже наиболее сознательные, мечутся, не находя приложения своим силам. Являясь обобщенными актами против капитализма и вызывая в читателе протест, повести эти, однако, не указывают путей борьбы.

Но вот пришла революция. Онопчательно сформировалось мировоззрение писателя. И он не забывает про своих героев. Они продолжают жить, формируются в новых условиях каждой по-своему.

В романе «На заре» мы видим, как главный герой «Чайки» — Гариф, человек, владенный смелостью, активностью, воображением и глубокой честностью, по не находящий приложения своим силам, пробует суровый путь — от сезонника к протариату, находит наконец решение жизненной задачи. Он становится революционером. С оружием в руках записывает октябрьские завоевания. Но путь сложен, как сложна жизнь, но ясно, как ясно его сознание. Мы встречаем Гарифа также в романе «Горы рождают прерисное» в сложной обстановке внутрипартийной борьбы. Он — организатор сельскохозяйственной артели, редактор газеты, секретарь партийного бюро. На всех этапах новой жизни идет борьба с открытыми и замаскированными врагами, и в этой борьбе формируется и закаляется его характер.

Рост человека вместе с ростом страны — вот интересная задача, которую поставил перед собой Шариф Камал и которую он художественно и убедительно разрешает.

Шариф Камал пишет также песни. В них он освещает наиболее актуальные и злободневные вопросы. Трагедия героя гражданской войны, не понимающего всей трудности хозяйственного строительства и сложности политической обстановки («Огонь»), психология новых людей на производстве, борьба за лучшие показатели, перенесенная в область изобретательства («За туманом»), кредитовство на заводе в самых изобретенных формах и разоблачение врагов народа («Горы») — таковы темы его песен. Однако основную волнующую проблему, проблему формирования нового человека, во всей широте он ставит в своей прозе.

Сейчас Камал работает над эпопеей о победе социализма и процессе преодоления капиталистических элементов в сознании трудящихся. Нужно думать, что Шариф Камал со свойственной ему глубиной, разносторонностью и художественным вкусом справится с этой задачей и порадует читателей новыми талантливыми книжками.

Книга грузинского писателя В. Дарасели «Твой сын» написана на тему о жизни, непосредственно и тепло чувстве международной солидарности. Тему, достаточно сложную, автор еще более усложняет для себя тем, что в книге его персонажи этого высокого чувства являются дети дошкольного возраста. Они-то и есть главные персонажи книги.

Рецензируемая книга заслуживает того, чтобы поговорить об удачах и неудачах ее автора. — в его произведении есть и то и другое.

Действие в повести разворачивается в историческом городе Гори, колыбели великого Сталина. О самом Сталине говорится мало. Но подвиге отца видна нежность присутствия, и дыхание сталинской эпохи ощущается во всей книге. Автор с большой любовью рисует маленького, живописного, цветущий город пазорной Карталини, дает пейзажные зарисовки его улиц и окрестностей. О своем городе жители говорят с гордостью и уважением.

Завязка и почти все дальнейшее течение повести происходят в доме Гареваева Ваханадзе. Его семья состоит из старухи-матери, итравой весьма видную роль в повести, из жены Тамары и трех детей: девочки Цицино и двух мальчиков — Важики и Бондо.

Семья Ваханадзе — дружная грузинская семья. Важики — будущий инженер-строитель и изобретатель. Он строит итравные тоннели, прокладывает мосты, проводит через них железную дорогу, изобретает машину для ловли птиц. Цицино — нежное, задумчивое существо, она сочиняет песни и поет их на самодельной фандуре.

Без слащавости и натяжки передан удивительный рассказ о том, как играют дети, как в процессе игры формируется их сознание, как рождается ассоциативный и возникают под влиянием отдельных эпизодов игры оживленные и непринужденные диалоги.

Однажды дети узнали от отца о кровавых событиях в Испании, о самолетах, бомбящих мирное население, о множестве бесприсранных детей. И у Важики возникла мысль пригласить испанских детей в гости. Мысль эту дети быстро реализуют. Под их диктовку бабушка пишет письмо в Испанию, а купленный на базаре цветной воздушный шар, переименованный в жарко-жарко «Победа», должен это письмо доставить в далекую страну. Преодолено и последнее препятствие: от просаживаемой мимо дома мушкетера — волонтера арбы — дети узнали, в какую сторону надо направить «Победу», чтобы письмо достигло цели.

Письмо, однако, попадает в большой фруктовый сад, который сторожил поэт Сандро Гиатура. Сам он неграмотен, письма прочитать не умеет и несет его к Васо Натадзе. «В городе и в селе знают Васо Натадзе, и дорога многих останавливается у его двери. А может быть, его любят за то, что он заведет комиком Сталина?»

Васо прочитал письмо, весело улыбнулся и передал его Телю, сыну Сандро. Он как раз едет отдыхать в Артек, где гостят испанцы. Ему поручается пригласить их и сопроводить в Гори.

Вест о предстоящем приезде испанских детей широко разносится по городу и окрестным колхозам. Она вызвала всеобщий восторг. Население от мала до велика готовится к их встрече, стремясь сделать ее как можно торжественней. Один из маленьких испанцев — Бласко сразу же с вокзала попадает в дом к Ваханадзе, где его приняли, как родного. Незнакомые язык не помешало ему быстро войти в круг интересов детей Гареваева и Тамары. Через день-два он — друг Важики, Цицино и Бондо, а они — друзья Бласко на всю жизнь.

В Дарасели. Твой сын. Авторизованный перевод с грузинского Л. Черкашиной. Бразное книгоиздательство, Краснодар, 1939.

Литературные споры

В защиту культурного наследства

Н. ВИЛЬЯМ-ВИЛЬМОНТ.

вика, появивший в статье «Надоело» по «романтической случайности»? Такая логика призвала нас к скромности — к скромности, правда, не совсем заслуженной той. Лифшицем, так как он сам с чрезвычайной запальчивостью считает каждого, кто не согласен с его толкованием гетевской трагедии, поистине человеком невежественным, иногда второй части «Фауста» не читавшим.

Однако вот и тов. Лукач в своей статье «Лондонский туман» встал за М. Лифшицем и упрекнул Е. Кипловича в незнании своего второй части «Фауста» — все за то же, надо сказать, ее несомненно с их концепцией...

Ну, коль скоро это так серьезно, так можно, пожалуй, и потопковать. Нет ничего проще, а по сути порочнее, как вырвать из общего идейного контекста «Фауста» какую-нибудь трагедию; и к ней приписать свою «концепцию трагедии»; и, напротив, весьма трудно установить подлинную истинную и позитивную концепцию «Фауста». Бессмертная трагедия величайшего из немцев давно окружена, по образному выражению одного немецкого историка литературы, «китатской стеной комментариев», из года в год усердно поставленным призраками и самозванцами толкователями.

То, что эти комментаторские труды друг другу зачастую резко противостоят, объясняется не только разной степенью критичности и философской озабоченности тех или иных исследователей, но только разной мерой совершенства исследовательского метода, лежащего в основе их толкований. Сама философская концепция «Фауста» — грандиозная, но не монолитная — отличается известным «извилим» плюрализмом, вмещает несколько, если не равноправных, то одинаково важных и заветных для автора идейных истоков.

Трудность истинного раскрытия «Фауста» — в определении уального веса всех этих взаимодействующих мотивов, в распознавании характера их единственного диалектического сплетения. Комментаратор «Фауста», больше чем комментатор любого другого художественного произведе-

ния, должен уметь сопоставлять отдельные мыслы, высказанные поэтом, не только с тем, что зовется центральным мыслем произведения, но и со всем художественным замыслом (который всегда и больше и меньше, чем только мыслем, только философская идея).

Дело в том, что в художественном произведении, как и в практической жизни (социальной, историческом бытии человечества), ценность и подлинное значение идеи опознаются прежде всего по степени силы ее воздействия, по ее плодотворности. Иными словами, философская идея не только высказывается, но и живет в художественном произведении (поэтому тому, как она живет в практической жизни). Здесь как бы тоже «теория проверяется практикой», ее значением для героя, ее участием в его судьбе. Все это, пожалуй, ярче всего видно именно на примере «Фауста».

Но возвратимся к концепции, усмотренной в трагедии Гете М. Лифшицем.

Оставим в стороне крайне неудачное, на наш взгляд, определение Фауста и Мефистофеля как двух «сил» — «положительных и отрицательных сторон цивилизации». Если Мефистофель действительно «сила» (зачастую сила той, железной вечно зла, творившей лишь благое), хотя, разумеется, по замыслу Гете символически — это отрицательные стороны цивилизации, то Фауст уже никак не символ какой бы то ни было «силы» или «сторони», а именно человек и только человек, правда, воушедшийный лучшими порывами всего человечества. Ведь поиски человеком осмысленной жизни и составляет подлинное содержание «Фауста». Но, повторяем, простям М. Лифшицу это неудачно формулировать.

Центральное место в концепции «Фауста», усмотренной гг. Лукачом и Лифшицем, это признание последнего монолога Фауста не монологом «обретенного пути», а «столько фантазией» слепого старика, обманутого звоном лопат рожущих ему молги леумров.

Но так ли это? Правое же, хочется воспользоваться оружием М. Лифшица и Г. Лукача и упречь их обах в непонимание с первой частью «Фауста!» (Предположение дерзкое, но довольно забавное, если учесть преобладание культуры — философского интереса в их подходе к литературным явлениям).

Мы хорошо знаем, что некоторые «специалисты» по Гете очень сердятся на старого олимпийца за то, что третичная борьба «сверхчеловека» Фауста кончилась, в конце концов, каким-то глубоко поэтическим «строительством».

В таком смысле прямо высказывается невольнический Фридрих Гундольф, теоретик и знаток Гете из круга Стефана Георге. «Это моральное отречение, а не победа фаустовской идеи», — пишет он, — если Фауст, хотевший заполнить собою все мироздание, если космический титан после не удовлетворивших его страстаний по вестной перьявчат «высшим мигом», оставившись хотя бы и плодотворнейшему государственному служению».

Выгнет нишеанское умонастроение Гундольфа, и в остальное его анализа останется зерно истины. При всей своей реальности Гундольф негизе создал, не фальсифицирует Гете. Он возводит себе упречь поэта в пленение идеалом «сверхчеловечества», но не позволяет себе произвольно перетолковывать финал трагедии, несмотря на то, что такой оле, как адепт Стефана Георге, пожелать не устремляет. Как бы так ни было, Гундольф, в отличие от М. Лифшица, хорошо помнит все драматическое развитие гетевской трагедии, включая и то, что происходит в первой ее части.

А в первой части, как известно каждому школьнику, Фауст и Мефистофель заключают договор, в силу которого душа Фауста становится собственностью ада,

как только Фауст пресытится бесконечными поисками истины и удовлетворится колючим «прекрасным мгновением».

Это-то «прекрасное мгновение» и разрешает Фауст, когда он хочет вместе с народом приступить к разумному переустройству действительности, чтобы увидеть «в блеске силы дивной свободный край, свободный мой народ».

Пусть задание это безмерно велико, требует безмерно много усилий, — каждое мгновение этого осмысленного, освоенного великой целью труда достойно того, чтобы ему крикнули: «Прекрасное мгновение, постой!» Фауст произносит ровное слово: «Я вышпши миг теперь вкушаю свои!» Мефистофель как будто враспе считает это признание Фауста отказом от дальнейшего самосовершенствования и стремления к бесконечной цели. Он враспе лишать его жизни, согласно их старинному договору. Фауст падает. Демурь подхватывают его и кладут на землю. Но, по сути, Фауст не побижен, ибо его удовлетворенность мигом не куплена ценой отказа от бесконечной цели, бесконечного стремления к совершенствованию человечества и человека.

Вот почему Фауст, по убеждению Гете, достоин того апофеоза, которым заканчивает великий гуманист свою трагедию, обрядив ее во все пыльное величие традиционной-первой символики.

Дело здесь, как видите, не во «внутреннем воле» Фауста, и не в случайном вмешательстве каких-то прибулданных агентов, а в оптимистическом разрешении трагедии Фауста, не пришедшей по вкусу деканату Фридриху Гундольфу и, как видно, также М. Лифшицу и Г. Лукачу (которые, однако, поступают хитрее и просто отрицают бесприсранный факт этого оптимистического разрешения).

Но, может быть, и мы произвольно гонимем «Фауста»? Ниуть. Разрешение трагедии подготовлено всем ходом драматического действия. Знаменитый предсмертный монолог Фауста возвращает нас к заключительному эпизоду первой сцены из первой части трагедии, в ночь перед пасхой, когда Фауст, умиленный народным звоном, отдаваясь восточному

как только Фауст пресытится бесконечными поисками истины и удовлетворится колючим «прекрасным мгновением».

И не ссылайтесь, тов. Лифшиц, на первоный характер финала трагедии для того, чтобы обосновать свой взгляд на Гете как на полновостного пессимиста. Ведь вы отлично знаете, что Гете смотрел на первоный символический финал как на обретенную, на шпущую аллегорическую картину в стиле мастеров Возрождения. Читали же вы «Разговоры с Гете», Эвермарца? Не можете вы также не знать и того, что этот финал был необходим Гете как художнику для того, чтобы связать вторую часть трагедии с трагедией Гретхен из первой части. И действительно, тема Гретхен возвращается в финале в виде улощенной репризы, где образ Гретхен сливается уже с образом девы Мариам, здесь понимаемой как «вечно женственное», как символ рождения и смерти, как вечно несущее и рождающее священное лого, как начало, обьявляющее человечество и передающее его светлые стремления и мечты на рода в род, от поколения к поколению.

Если Гете и пользуется традиционными богословскими понятиями (в том числе и понятием «божее мгновение»), то он их толкует свободно, «серегическим» — в ангельском понимании этого слова. Неужели и это непонятно марксистам Лукачу и Лифшицу?

Так причем же здесь «стратегическое равновесие положительных и отрицательных сторон цивилизации», о котором говорит М. Лифшиц? Это ведь тоже «досужий вымысел»?

Центральный Дом журналиста организовал 20 января творческий вечер В. Ардова. Непринужденная беседа В. Ардова с аудиторией и прочитанные им рассказы — «Неудачник», «Среди животных», «Вот что выделали песни твои» и «Укротитель на час» — имели большой успех. Л. Никулин и М. Левидов, отметив в своих выступлениях дарование и яркую выдумку В. Ардова, подчеркнули, однако, опасность его тенденции к «бездумному» юмору, к злоупотреблению раз навсегда данной «формулой смешного».

Лучшие рассказы В. Ардова, указав М. Левидов, это те, которые отражают какие-то специфические черты советского быта, а не строятся на голом «юморе ситуации».

В клубе МГУ В этот же день бюро пропаганды Союза советских писателей организовало в клубе МГУ творческий вечер молодых писателей-сатириков А. Раскина и М. Слободского.

Вечер начался с остроумного фельетона-вотупления, иронически названного в афише «Исчерпывающий ответ на вопрос «Как вы работаете вдвоем?».

В дальнейшем содержательная программа вечера состояла из чтения отхотворных пародий, фельетонов, юмористических рассказов. Особо нужно отметить не напечатанный еще фельетон об искажениях русского языка, озаглавленный «Не вышедшие из печати».

Авторы были прочитаны также отрывки из комедии «Плоский язык Джемса». Комедия эта является сатирой на кавказцев и перестраховщиков. Она принята в постановку московским театром сатиры. Вечер, собравший большую аудиторию, прошел очень оживленно и весело.

Камерный театр на Дальнем Востоке

ХАБАРОВСК. (От наш. корр.). Вот уже больше трех месяцев московский государственный Камерный театр обслуживает бойцов, командиров и политработников 2-й Особой Краснознаменной армии и Амурской флотилии. За три месяца театр дал в Доме Красной Армии 90 спектаклей, показав шесть пьес: «Оптимистическая трагедия», «Генеральный консул», «Очная ставка», «Ариэлина Лекувер», «Дети солнца» и «Честь». Спектакли встречают очень радужный прием со стороны зрителей, прессы, военных, партийных и советских организаций.

Кроме основной группы, работающей в Хабаровском Доме Красной Армии, театром организована передвижная труппа, которая обслуживает наиболее отдаленные гарнизоны и части армии. Эта труппа имеет в своем репертуаре три пьесы: «Генеральный консул», «Своя семья» и «Не было ни гроша, да вдруг алтын».

В настоящее время в театре идут репетиции «Младм Бовари» с Алисой Колен в главной роли. Станит спектакль А. Я. Тирова. Премьера намечается в марте. О. Брик и Н. Ассев закончили уже пролог и интермедии к «Клопу» Вл. Маяковского. Эту пьесу театр намерен показать к 10-летию со дня смерти поэта.

Гослитиздат и издательство Академии наук СССР выпускают к 500-летию юбилею великого калмыцкого народного эпоса «Джангар» полный текст эпоса в оригинале и русском переводе. На снимке: иллюстрации В. Фаворского к «Джангару». Слева — «Богатырь Шкиширга», справа — «Богатырь Конгор».

Сила жизни

Воснеса высоко над головой только что появившегося на свет человека, молодой Алексей Пешков кричит: — Шуми, орловский! Кричи во весь глоток. Далекое в просторах моря уносится его голос, ведающий, прывивный. Следующие кадры — и на экране широкая дорога. Но ней шагает большой человек с охотворенным лицом, шагает твердо, несая в будущее свою судьбу.

Таков конец нового фильма о Горьком «Мой университет» (реж. М. Донской). Это вместе с тем — оживающее трилогию.

Надо думать, создатели фильма отнюдь не случайно завершают свой труд именно этим фактом из биографии Алексея Максимовича. Как пишет сам Горький, случай около Сухума относится к 1892 году. В этом же году в типграфской газете «Кавказ» появилась «Малар Чудра», открывшая новую полосу в необыкновенной жизни Горького. Юные годы прошли.

Вперед — трудный, большой путь писателя — провозвестника освобождения людей от «вишневых мерзостей» мнимых хозяев жизни — Семеновых.

В таком заключении есть подлинно-горьковское величие, любовь к жизни, вера в ее силу, мечтательность, сделавшая его потом провидцем. И совсем не плохо, что кадры с ребенком, вознесшимся к небу, воспринимаются аллегорически. Они говорят горьковскими словами: «Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его, необъятный, как мир, медленно гаснет» —

О САМОМ ГЛАВНОМ

Какой должна быть советская комедия? Для актера это равнозначно вопросу о том, в какой комедийной пьесе он хотел бы играть. Чаще всего разговоры на эту тему сводятся к рассуждениям о жанрах. Хороша ли комедия развлекательная, т.е. написанная в классическом стиле, в которой много изыщества, ирисности, где ярко построены сюжет и обличен в блестящую литературную и сценическую форму? Закономерно ли появление у нас комедий, подобных уайльдскому «Как важно быть серьезным»? Или же нам действительно нужна только высокая комедия в стиле Мольера?

Для нас, советских комедийных актеров, уместнее поставить вопрос о художественном и общественном значении комедии. Лет 15 назад критика справедливо ругала меня за то, что я снимался в пустячных кинокомедиях, подобных «Закрышкин из Торжка». Единственная цель этих кинокомедий заключалась в том, чтобы любыми средствами заставить нашего зрителя как можно больше смеяться. Но даже не вдаваясь в рассуждение о том, насколько этот смех выражал хорошее настроение и душевную бодрость советского человека, для нас очевидно и бесспорно, что смеяться человек будет всегда: в театре ли, в кино ли, при чтении ли фельетона или сатирического романа — не просто робче, а над чем-нибудь или над кем-нибудь. Там, где смех лишен содержания, он превращается в злобоязвительство.

Настоящие актеры не любят текст который провоцирует на комическое загромождение со зрителем. В подобных пьесах нет комизма положений, нет большой сатирической идеи. Вместо них — игра на острых словах, на какой-нибудь крылатой поговорке, на смешной, но мало поучительной ситуации.

Но нужно также комедийному актеру, чтобы в пьесе обязательно было положено количество «апробированных» сюжетных ходов. Не в испытанности сюжета дело, а в его новизне, оригинальности. Например, тема близнецов чрезвычайно любима казальным комедийным театром. От Шекспира до автора «Близнецов из Брайтона» этот сюжетный мотив использовался десятками драматургов, часто с немалым успехом. Комедийная мелодрама особенно любимо эксплуатировала этот сюжет. Однако, если советский драматург использует его в традиционном виде, пьеса навряд ли заинтересует нас даже при чтении, уж не говоря о том, что ее сценическая пьеса воспримется без всякой остроты. А вот Чарли Чаплин (суя по сообщениям прессы) строит свою новую кинокомедию «Близнецы» на совершенно иной сюжетной основе. Старая тема получила новое сатирическое содержание и приобрела поэтому острый, неожиданный смысл.

Примеры можно было бы умножить, но мысль моя, кажется, ясна и без них. Сатирическая функция комедии — самая почетная функция ее. Правда, это делает ее литературное и сценическое бытие весьма

сложным. В «Близнецы» Маяковского мне было легко и приятно играть Присыпкина, потому что я знал, паг кем я смеюсь, кого я был в этой комедии. Саркастически высмеивая наглость и трусливого мещанина в новом павловском обличье, я чувствовал огромное творческое удовлетворение. Смех зрительского зала вызывал все всякое загромождение сцен. Но и не только смех. Недовольное презрение, ненависть, сопутствования взрывам смеха и антитезисов, которыми зрительный зал реагировал на разоблачение Присыпкиных. В кинокомедии «Волта-Волта» (я отвлеклась в данном случае от споров о достоинствах и недостатках этого фильма) мне также легко и радостно было играть, потому что я знал, кого я разоблачала своей игрой. Разоблачение бюрократов-калжи и тулого пинжа — вот сатирическая цель моей роли в этой картине.

Но к драматургам, театрам, кинорежиссерам часто приходят благонамеренные люди и заявляют: «Вы так же! Признаем, что комедия полезная вещь, но где же ваше чувство меры? Почему вы не противопоставляете отрицательным персонажам своих положительных героев? Ведь этак, чего доброго, легко дезориентировать советского зрителя». Этим не в меру усердными охранителями «меры речи» чудят чувство юмора и ощущение смешного. Они совершенно не чувствуют смешотворности и целености своих собственных претензий. Я уверен, что если бы Мольер, Гоголь или Чаплин приспешли к своему пьесе или кинофильму, эти благонамеренные люди отвергли бы их как нецензурную и неразвязную выдумку. Недавно этим горе-охранителям (хотя об этом Гоголь писал в своем «Театральном раздее» около ста лет назад), что сам смех, вызываемый у зрителя сатирической пьесой, является положительным персонажем. Мне хочется привести слова самого Гоголя:

«Мне жаль, — говорит он устами «Автора пьесы» в «Театральном раздее», — что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во все продолжение ее. Это честное, благородное лицо было — смех. Он был благороден, потому что решился выступить, несмотря на низкое значение, которое задала ему в свете... Никто не уступил за этот смех... Никто не уступил и глубже, чем думают, — не тот смех, который порождается временной раздражительностью, жалким, болезненным расхождением характера; не тот также легкий смех, служащий для праздного развлечения и забавы людей; — но тот смех, который веселит из светлой природы человека, издает из нее потому, что на ще не заключен вечный-блудный ролик его, который углубляет предмет, заставляет вы-

ступить ярко то, что проскользнуло бы, без прощающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугала бы так человека».

Пьеса, где слышны подобные смех и роли в подобных комедиях хочется нам, актерам. А жанр здесь, повторю, не при чем. Написаны ли пьесы в классической традиции или основаны на новых и смелых опытах построения сюжета — это дела не меняет. Важно, чтобы в пьесах было глубокое содержание, острый и актуальный сатирический смысл. Редко задумываются у нас над познавательным, воспитательным смыслом сатиры. Ведь шороки, мзтеры изображенные в персонажах пьесы, раскрывают иному зрителю сущность его собственного поведения, его собственного характера.

Но где у нас подобные пьесы? Увы, их нет или почти нет. Писатели по-разному объясняют отсутствие у нас таких комедий. Порой они кивают на театры, порой на «объективные обстоятельства», глядя на закомерный, мол, «кэрзис января». Но верю я, что во всех этих уверениях заключена действительная истина. Настоящую сатирическую комедию просто трудно писать, она требует большого писательского дарования, большой смелости, большого умения рисковать. С этим согласиться можно. Но когда же и противопоставить творческому риску, подлинной смелости мастера и истинному вдохновению писателя, если не в наше время? Слишком часто, однако, наши драматурги предпочитают отходить от своих привычных, апробированных, «испытанных» тем, чужаясь подлинно актуальной проблематики. И крупнее и менее именитые наши драматурги-кинематографы отнюдь не склоняются к этому. В своем творчестве проявляют ту смелость, о которой они так смело говорят в своих статьях и речах.

Воистину за нашими драматургами и другой грех — усумнение построй комедийный сюжет.

Иногда судьба комедий у нас действительно бывает тяжелой и непонятной. Несколько лет назад П. Ильв, В. Катяев и Е. Петров написали комедию «Богатыя пьесы». В ней было очень много остроумия — сценарность, внутреннее изящество, сатирический смысл. И однако же пьеса, встреченная в штыки критикой еще «на корню», не увидела света гряды. Для чего нужно было так оглушить и несправедливо решать «на корню» судьбу интересной комедии, написанной тремя талантливыми советскими писателями? Почему?

И об этом вспоминаю потому, что разговаривая о недостаточном количестве комедийных драм — один из наиболее одаренных советских писателей. Его блестящий сатирический роман «Расстрижка» вызвал к себе в свое время всеобщее внимание. Его комедия «Базарная крута» была в продолжение нескольких сезонов любимейшим спектаклем советского зрителя.

Зачепо безусловно один из крупнейших современных русских писателей. Его сатира своеобразна, оригинальна, актуальна. Многие его новеллы вошли в золотой фонд советской литературы. И как-то странно даже подумать, что до сих пор у нас Зочено еще не поставлен на сцене. Почему он, блестящий новеллист, великолепнейший мастер рассказа, владеющий, как никто, искусством разговорной речи, до сих пор не завоевал себе прочного места в репертуаре советского театра? Сделать это он может только, написав пьесы, которые по своей художественной и социальной ценности не уступили бы «Голубой книге» и «Возвращенной молодости». Но подобных пьес Зочено еще не написал.

Есть еще много вопросов, попутно возникающих у людей, — размышляющих о судьбах комедии. Актеру очень важно установить, что пресловутая схематичность в комедии не так опасна, как, скажем, в драме, что талантливо использованная драматургом схема оставляет простор для режиссерской и актерской импровизации. Важно установить также, что количество смешных эпизодов в комедии отнюдь не влияет на ее художественные качества. Возможна комедия, где нет ни одного персонажа, которому жмут бошки и который выражается смешными словами или смеет зрителя комической плоскости. К сожалению, у нас еще слышны много комедий с большим количеством смешных положений, комических персонажей, но в которых комедийное начало, сатирический смех и не почевали.

Это только некоторые из многочисленных попутных вопросов, которые возникают у актера, когда он задумывается о комедии, которая нам нужна и которой у нас до сих пор нет. — о комедии-сатире.

Игорь ИЛЬИНСКИЙ

сложным. В «Близнецы» Маяковского мне было легко и приятно играть Присыпкина, потому что я знал, паг кем я смеюсь, кого я был в этой комедии. Саркастически высмеивая наглость и трусливого мещанина в новом павловском обличье, я чувствовал огромное творческое удовлетворение. Смех зрительского зала вызывал все всякое загромождение сцен. Но и не только смех. Недовольное презрение, ненависть, сопутствования взрывам смеха и антитезисов, которыми зрительный зал реагировал на разоблачение Присыпкиных. В кинокомедии «Волта-Волта» (я отвлеклась в данном случае от споров о достоинствах и недостатках этого фильма) мне также легко и радостно было играть, потому что я знал, кого я разоблачала своей игрой. Разоблачение бюрократов-калжи и тулого пинжа — вот сатирическая цель моей роли в этой картине.

Но к драматургам, театрам, кинорежиссерам часто приходят благонамеренные люди и заявляют: «Вы так же! Признаем, что комедия полезная вещь, но где же ваше чувство меры? Почему вы не противопоставляете отрицательным персонажам своих положительных героев? Ведь этак, чего доброго, легко дезориентировать советского зрителя». Этим не в меру усердными охранителями «меры речи» чудят чувство юмора и ощущение смешного. Они совершенно не чувствуют смешотворности и целености своих собственных претензий. Я уверен, что если бы Мольер, Гоголь или Чаплин приспешли к своему пьесе или кинофильму, эти благонамеренные люди отвергли бы их как нецензурную и неразвязную выдумку. Недавно этим горе-охранителям (хотя об этом Гоголь писал в своем «Театральном раздее» около ста лет назад), что сам смех, вызываемый у зрителя сатирической пьесой, является положительным персонажем. Мне хочется привести слова самого Гоголя:

«Мне жаль, — говорит он устами «Автора пьесы» в «Театральном раздее», — что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во все продолжение ее. Это честное, благородное лицо было — смех. Он был благороден, потому что решился выступить, несмотря на низкое значение, которое задала ему в свете... Никто не уступил за этот смех... Никто не уступил и глубже, чем думают, — не тот смех, который порождается временной раздражительностью, жалким, болезненным расхождением характера; не тот также легкий смех, служащий для праздного развлечения и забавы людей; — но тот смех, который веселит из светлой природы человека, издает из нее потому, что на ще не заключен вечный-блудный ролик его, который углубляет предмет, заставляет вы-

ступить ярко то, что проскользнуло бы, без прощающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугала бы так человека».

Пьеса, где слышны подобные смех и роли в подобных комедиях хочется нам, актерам. А жанр здесь, повторю, не при чем. Написаны ли пьесы в классической традиции или основаны на новых и смелых опытах построения сюжета — это дела не меняет. Важно, чтобы в пьесах было глубокое содержание, острый и актуальный сатирический смысл. Редко задумываются у нас над познавательным, воспитательным смыслом сатиры. Ведь шороки, мзтеры изображенные в персонажах пьесы, раскрывают иному зрителю сущность его собственного поведения, его собственного характера.

Но где у нас подобные пьесы? Увы, их нет или почти нет. Писатели по-разному объясняют отсутствие у нас таких комедий. Порой они кивают на театры, порой на «объективные обстоятельства», глядя на закомерный, мол, «кэрзис января». Но верю я, что во всех этих уверениях заключена действительная истина. Настоящую сатирическую комедию просто трудно писать, она требует большого писательского дарования, большой смелости, большого умения рисковать. С этим согласиться можно. Но когда же и противопоставить творческому риску, подлинной смелости мастера и истинному вдохновению писателя, если не в наше время? Слишком часто, однако, наши драматурги предпочитают отходить от своих привычных, апробированных, «испытанных» тем, чужаясь подлинно актуальной проблематики. И крупнее и менее именитые наши драматурги-кинематографы отнюдь не склоняются к этому. В своем творчестве проявляют ту смелость, о которой они так смело говорят в своих статьях и речах.

Воистину за нашими драматургами и другой грех — усумение построй комедийный сюжет.

Иногда судьба комедий у нас действительно бывает тяжелой и непонятной. Несколько лет назад П. Ильв, В. Катяев и Е. Петров написали комедию «Богатыя пьесы». В ней было очень много остроумия — сценарность, внутреннее изящество, сатирический смысл. И однако же пьеса, встреченная в штыки критикой еще «на корню», не увидела света гряды. Для чего нужно было так оглушить и несправедливо решать «на корню» судьбу интересной комедии, написанной тремя талантливыми советскими писателями? Почему?

И об этом вспоминаю потому, что разговаривая о недостаточном количестве комедийных драм — один из наиболее одаренных советских писателей. Его блестящий сатирический роман «Расстрижка» вызвал к себе в свое время всеобщее внимание. Его комедия «Базарная крута» была в продолжение нескольких сезонов любимейшим спектаклем советского зрителя.

Зачепо безусловно один из крупнейших современных русских писателей. Его сатира своеобразна, оригинальна, актуальна. Многие его новеллы вошли в золотой фонд советской литературы. И как-то странно даже подумать, что до сих пор у нас Зочено еще не поставлен на сцене. Почему он, блестящий новеллист, великолепнейший мастер рассказа, владеющий, как никто, искусством разговорной речи, до сих пор не завоевал себе прочного места в репертуаре советского театра? Сделать это он может только, написав пьесы, которые по своей художественной и социальной ценности не уступили бы «Голубой книге» и «Возвращенной молодости». Но подобных пьес Зочено еще не написал.

Есть еще много вопросов, попутно возникающих у людей, — размышляющих о судьбах комедии. Актеру очень важно установить, что пресловутая схематичность в комедии не так опасна, как, скажем, в драме, что талантливо использованная драматургом схема оставляет простор для режиссерской и актерской импровизации. Важно установить также, что количество смешных эпизодов в комедии отнюдь не влияет на ее художественные качества. Возможна комедия, где нет ни одного персонажа, которому жмут бошки и который выражается смешными словами или смеет зрителя комической плоскости. К сожалению, у нас еще слышны много комедий с большим количеством смешных положений, комических персонажей, но в которых комедийное начало, сатирический смех и не почевали.

Это только некоторые из многочисленных попутных вопросов, которые возникают у актера, когда он задумывается о комедии, которая нам нужна и которой у нас до сих пор нет. — о комедии-сатире.

Воистину за нашими драматургами и другой грех — усумение построй комедийный сюжет.

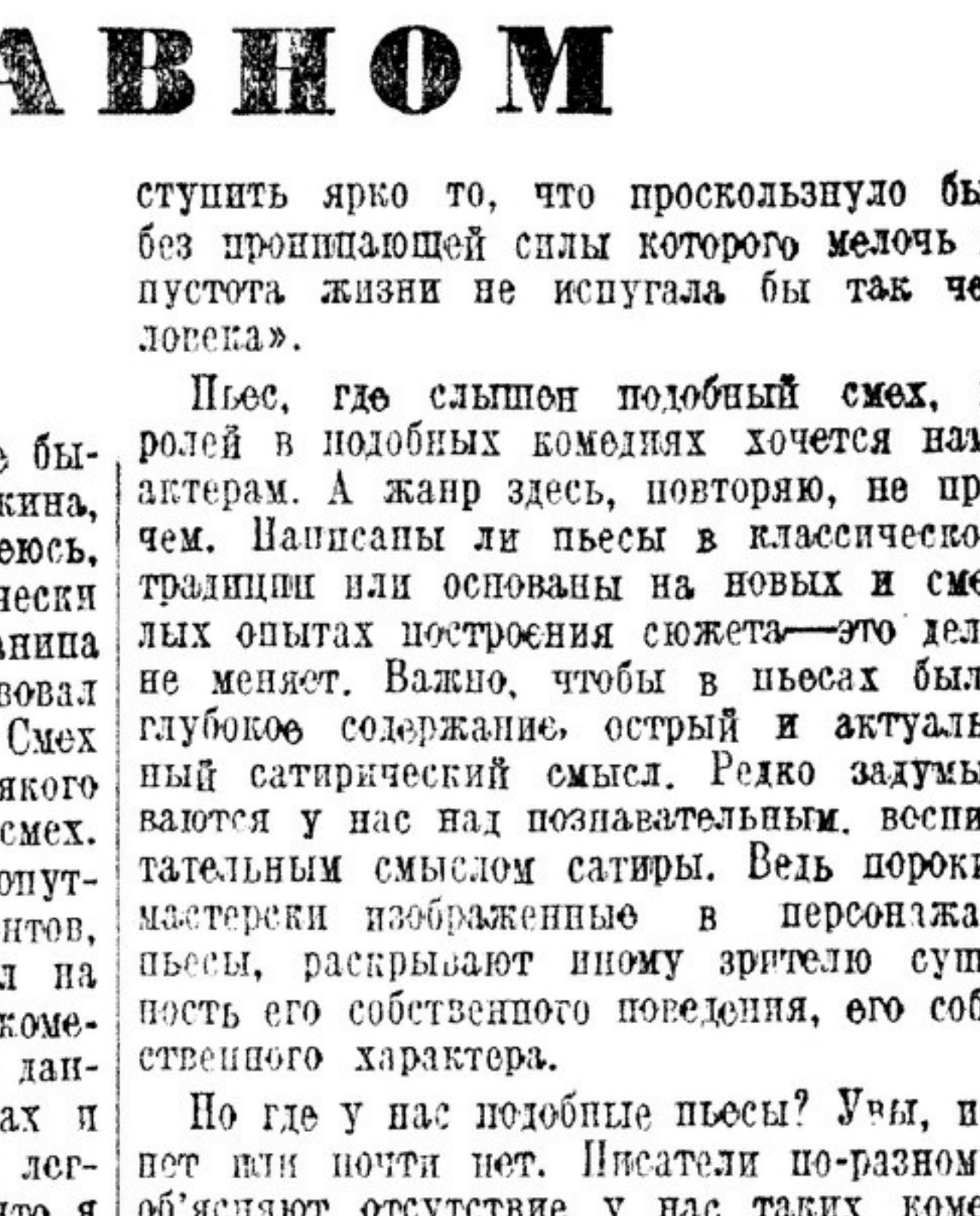
Иногда судьба комедий у нас действительно бывает тяжелой и непонятной. Несколько лет назад П. Ильв, В. Катяев и Е. Петров написали комедию «Богатыя пьесы». В ней было очень много остроумия — сценарность, внутреннее изящество, сатирический смысл. И однако же пьеса, встреченная в штыки критикой еще «на корню», не увидела света гряды. Для чего нужно было так оглушить и несправедливо решать «на корню» судьбу интересной комедии, написанной тремя талантливыми советскими писателями? Почему?

И об этом вспоминаю потому, что разговаривая о недостаточном количестве комедийных драм — один из наиболее одаренных советских писателей. Его блестящий сатирический роман «Расстрижка» вызвал к себе в свое время всеобщее внимание. Его комедия «Базарная крута» была в продолжение нескольких сезонов любимейшим спектаклем советского зрителя.

Зачепо безусловно один из крупнейших современных русских писателей. Его сатира своеобразна, оригинальна, актуальна. Многие его новеллы вошли в золотой фонд советской литературы. И как-то странно даже подумать, что до сих пор у нас Зочено еще не поставлен на сцене. Почему он, блестящий новеллист, великолепнейший мастер рассказа, владеющий, как никто, искусством разговорной речи, до сих пор не завоевал себе прочного места в репертуаре советского театра? Сделать это он может только, написав пьесы, которые по своей художественной и социальной ценности не уступили бы «Голубой книге» и «Возвращенной молодости». Но подобных пьес Зочено еще не написал.

Есть еще много вопросов, попутно возникающих у людей, — размышляющих о судьбах комедии. Актеру очень важно установить, что пресловутая схематичность в комедии не так опасна, как, скажем, в драме, что талантливо использованная драматургом схема оставляет простор для режиссерской и актерской импровизации. Важно установить также, что количество смешных эпизодов в комедии отнюдь не влияет на ее художественные качества. Возможна комедия, где нет ни одного персонажа, которому жмут бошки и который выражается смешными словами или смеет зрителя комической плоскости. К сожалению, у нас еще слышны много комедий с большим количеством смешных положений, комических персонажей, но в которых комедийное начало, сатирический смех и не почевали.

Это только некоторые из многочисленных попутных вопросов, которые возникают у актера, когда он задумывается о комедии, которая нам нужна и которой у нас до сих пор нет. — о комедии-сатире.

Бухарский областной детский музыкальный театр (Узбекская ССР) показал в постановке молодого режиссера Саргарова новую пьесу «Гуччалар». На снимке: сцена из пьесы. Артист Ансор Атаев в роли Мирзы Шафары и артистка Муллокидова в роли Гургумы.

ПИСЬМО ИЗ ЛЕНИНГРАДА

В мире Урловых

Ленинградский драматический театр Смольнинского района далеко не избалован вниманием критики. Между тем за несколько лет он проделал поучительную эволюцию от первичной труппы до крепкого профессионального театра.

Коллектив, руководимый режиссером-коммунистом Л. Рузиным, упорно борется за создание ансамбля, за выработку исполнительского стиля, за репертуар. Первыми в Ленинграде коллектив, вооруженный приятиями перестраховщиков, ставит «Павла Громова». Первым театром осуществил постановку драмы А. Копцова «Парь Потап», вызвавшей немало споров.

Прищипчивость в выборе репертуара, как всегда бывает в искусстве, награждена полноценным результатом.

Молодой драматург А. Копков посвятил свою драму сложной и ответственной теме. Он решился раскрыть в образах пьесы стужательство и власть денег, проявляющиеся со страшной силой в условиях старой деревни. Автор воссоздает атмосферу «километра деревенской жизни», ту среду, в которой господствует лютый произвол Потапа Урлова и ему подобных некоронованных «шарей».

Молодой автор открыто учится у корифеев литературы и больше всего у Горького. Но именно учится, а не экивокует: творческий почерк Копкова сохраняет свою оригинальность.

Действие происходит в Поволжье в 1913 году, на кулацком хуторе, принадлежащем Потапу Урлову. Хутор-крепость — остров в бунующем море. Окруст вылазт зарева пожаров. Владеет хутор Урлов грозится: «Пожилошь среди такого народа, так тигров заведешь... Будущий год весь хутор... колошей проволочкой обвяжет». Вылет сыновей — горше смерти. Разлет имущества ассоциируется у Потапа со смертью. Самое свирепое столкновение происходит Потапу как раз с тем из его сыновей, Пашкой, который не хочет вылезаться из отцовского хозяйства. Павел Урлов — стужатель иного типа. Павел лишь неуравновешенный отпа: человек пьесы, которые по своей художественной и социальной ценности не уступили бы «Голубой книге» и «Возвращенной молодости». Но подобных пьес Зочено еще не написал.

Есть еще много вопросов, попутно возникающих у людей, — размышляющих о судьбах комедии. Актеру очень важно установить, что пресловутая схематичность в комедии не так опасна, как, скажем, в драме, что талантливо использованная драматургом схема оставляет простор для режиссерской и актерской импровизации. Важно установить также, что количество смешных эпизодов в комедии отнюдь не влияет на ее художественные качества. Возможна комедия, где нет ни одного персонажа, которому жмут бошки и который выражается смешными словами или смеет зрителя комической плоскости. К сожалению, у нас еще слышны много комедий с большим количеством смешных положений, комических персонажей, но в которых комедийное начало, сатирический смех и не почевали.

Это только некоторые из многочисленных попутных вопросов, которые возникают у актера, когда он задумывается о комедии, которая нам нужна и которой у нас до сих пор нет. — о комедии-сатире.

Воистину за нашими драматургами и другой грех — усумение построй комедийный сюжет.

Иногда судьба комедий у нас действительно бывает тяжелой и непонятной. Несколько лет назад П. Ильв, В. Катяев и Е. Петров написали комедию «Богатыя пьесы». В ней было очень много остроумия — сценарность, внутреннее изящество, сатирический смысл. И однако же пьеса, встреченная в штыки критикой еще «на корню», не увидела света гряды. Для чего нужно было так оглушить и несправедливо решать «на корню» судьбу интересной комедии, написанной тремя талантливыми советскими писателями? Почему?

И об этом вспоминаю потому, что разговаривая о недостаточном количестве комедийных драм — один из наиболее одаренных советских писателей. Его блестящий сатирический роман «Расстрижка» вызвал к себе в свое время всеобщее внимание. Его комедия «Базарная крута» была в продолжение нескольких сезонов любимейшим спектаклем советского зрителя.

Зачепо безусловно один из крупнейших современных русских писателей. Его сатира своеобразна, оригинальна, актуальна. Многие его новеллы вошли в золотой фонд советской литературы. И как-то странно даже подумать, что до сих пор у нас Зочено еще не поставлен на сцене. Почему он, блестящий новеллист, великолепнейший мастер рассказа, владеющий, как никто, искусством разговорной речи, до сих пор не завоевал себе прочного места в репертуаре советского театра? Сделать это он может только, написав пьесы, которые по своей художественной и социальной ценности не уступили бы «Голубой книге» и «Возвращенной молодости». Но подобных пьес Зочено еще не написал.

Есть еще много вопросов, попутно возникающих у людей, — размышляющих о судьбах комедии. Актеру очень важно установить, что пресловутая схематичность в комедии не так опасна, как, скажем, в драме, что талантливо использованная драматургом схема оставляет простор для режиссерской и актерской импровизации. Важно установить также, что количество смешных эпизодов в комедии отнюдь не влияет на ее художественные качества. Возможна комедия, где нет ни одного персонажа, которому жмут бошки и который выражается смешными словами или смеет зрителя комической плоскости. К сожалению, у нас еще слышны много комедий с большим количеством смешных положений, комических персонажей, но в которых комедийное начало, сатирический смех и не почевали.

Это только некоторые из многочисленных попутных вопросов, которые возникают у актера, когда он задумывается о комедии, которая нам нужна и которой у нас до сих пор нет. — о комедии-сатире.

Воистину за нашими драматургами и другой грех — усумение построй комедийный сюжет.

Бухарский областной детский музыкальный театр (Узбекская ССР) показал в постановке молодого режиссера Саргарова новую пьесу «Гуччалар». На снимке: сцена из пьесы. Артист Ансор Атаев в роли Мирзы Шафары и артистка Муллокидова в роли Гургумы.

ПИСЬМО ИЗ ЛЕНИНГРАДА

В мире Урловых

Ленинградский драматический театр Смольнинского района далеко не избалован вниманием критики. Между тем за несколько лет он проделал поучительную эволюцию от первичной труппы до крепкого профессионального театра.

Коллектив, руководимый режиссером-коммунистом Л. Рузиным, упорно борется за создание ансамбля, за выработку исполнительского стиля, за репертуар. Первыми в Ленинграде коллектив, вооруженный приятиями перестраховщиков, ставит «Павла Громова». Первым театром осуществил постановку драмы А. Копцова «Парь Потап», вызвавшей немало споров.

Прищипчивость в выборе репертуара, как всегда бывает в искусстве, награждена полноценным результатом.

Молодой драматург А. Копков посвятил свою драму сложной и ответственной теме. Он решился раскрыть в образах пьесы стужательство и власть денег, проявляющиеся со страшной силой в условиях старой деревни. Автор воссоздает атмосферу «километра деревенской жизни», ту среду, в которой господствует лютый произвол Потапа Урлова и ему подобных некоронованных «шарей».

Молодой автор открыто учится у корифеев литературы и больше всего у Горького. Но именно учится, а не экивокует: творческий почерк Копкова сохраняет свою оригинальность.

Действие происходит в Поволжье в 1913 году, на кулацком хуторе, принадлежащем Потапу Урлову. Хутор-крепость — остров в бунующем море. Окруст вылазт зарева пожаров. Владеет хутор Урлов грозится: «Пожилошь среди такого народа, так тигров заведешь... Будущий год весь хутор... колошей проволочкой обвяжет». Вылет сыновей — горше смерти. Разлет имущества ассоциируется у Потапа со смертью. Самое свирепое столкновение происходит Потапу как раз с тем из его сыновей, Пашкой, который не хочет вылезаться из отцовского хозяйства. Павел Урлов — стужатель иного типа. Павел лишь неуравновешенный отпа: человек пьесы, которые по своей художественной и социальной ценности не уступили бы «Голубой книге» и «Возвращенной молодости». Но подобных пьес Зочено еще не написал.

Есть еще много вопросов, попутно возникающих у людей, — размышляющих о судьбах комедии. Актеру очень важно установить, что пресловутая схематичность в комедии не так опасна, как, скажем, в драме, что талантливо использованная драматургом схема оставляет простор для режиссерской и актерской импровизации. Важно установить также, что количество смешных эпизодов в комедии отнюдь не влияет на ее художественные качества. Возможна комедия, где нет ни одного персонажа, которому жмут бошки и который выражается смешными словами или смеет зрителя комической плоскости. К сожалению, у нас еще слышны много комедий с большим количеством смешных положений, комических персонажей, но в которых комедийное начало, сатирический смех и не почевали.

Это только некоторые из многочисленных попутных вопросов, которые возникают у актера, когда он задумывается о комедии, которая нам нужна и которой у нас до сих пор нет. — о комедии-сатире.

Воистину за нашими драматургами и другой грех — усумение построй комедийный сюжет.

Иногда судьба комедий у нас действительно бывает тяжелой и непонятной. Несколько лет назад П. Ильв, В. Катяев и Е. Петров написали комедию «Богатыя пьесы». В ней было очень много остроумия — сценарность, внутреннее изящество, сатирический смысл. И однако же пьеса, встреченная в штыки критикой еще «на корню», не увидела света гряды. Для чего нужно было так оглушить и несправедливо решать «на корню» судьбу интересной комедии, написанной тремя талантливыми советскими писателями? Почему?

И об этом вспоминаю потому, что разговаривая о недостаточном количестве комедийных драм — один из наиболее одаренных советских писателей. Его блестящий сатирический роман «Рас

Второй клубный день

Клубный день, состоявшийся 29 января, по разнообразию программы и многолюдности напомнил первые клубные дни, какие устраивались новым управлением год назад. Много художников, музыкантов, летчиков, изобретателей приехало в этот день в гости к писателям.

Все было содержательным и значительным в разнообразной программе дня.

Интересны были модели, которые показывал писателю летчик-изобретатель П. И. Гроховский, особенно — макет дрейфующей станции «Северный полюс». Она расположена в громадном цельнометаллическом шаре диаметром в 12 метров. Высота ее формы не угрожает опасности быть затертой льдами, так как нависающиеся торосы, высота которых не превышает 12 метров, неизбежно будут вытеснены шаром на поверхность льда. При образовании трещины на льдине, связанной дрейфующей станцией, и при разломах шар несколько погружается в воду и продолжает свой дрейф. Пролетая в различных местах шара люки со специальными трапами должны служить выходом из помещения станции. По своему оборудованию станция «Северный полюс» рассчитана на то, чтобы в ней можно было жить три-четыре года.

С большим интересом слушали все чтение рукописного альманаха «Чукотка», который много лет ведет К. Чуковский. Он читал страницы, связанные с Белом, Горьким, Леонидом Андреевым. Особенно живо прозвучали воспоминания о Маяковском, рассказ о первой встрече, о первом знакомстве с поэтом. Это было в Москве, в литературно-художественном кружке.

«Как и все газетные критики», — рассказывает К. Чуковский, — я был в то время превеликого мнения о своем литературном влиянии. Состою сотрудником «Русского слова», самой распространенной на тогандиших газет, я немало не сомневался, что мои похвалы окрылят и обрядуют много авторов».

Собрание секций

Примерно полтора года назад по инициативе группы писателей был создан нынешний Московский клуб писателей, вместо бывшего ДСЦ, Совет клуба, вернее, его президиум и дирекция, проявили много заботливости, выдумки и понимания интересов писателей, и с первых же дней клуб стал центром общественной жизни литературной Москвы.

К сожалению, с начала этого сезона в жизни клуба стала заметна некоторая вялость. Дирекция, очевидно, удовлетворившись прошлогодними успехами, вела себя в отношении писателей, как будто бы в отношении бывших. Вся деятельность клуба свелась к лекционным секциям, к тому же переставшим собираться регулярно. Этой зимой совет клуба не собрался ни разу. Правда, некоторые из его членов по-прежнему находились в отъезде, но остальные, по-прежнему, просто потеряли вкус к клубной работе. Творческая жизнь в клубе стала вянуть.

Не последнюю роль в этом деле сыграло и то, что бюро секций, существовавших до сих пор при президиуме ССП, вынужден были, наряду с творческими вопросами, заниматься и консультационной работой, и разбирательством различных конфликтов, и холостяцким по бытовым делам, и предварительным рассмотрением заявлений о приеме в союз писателей.

Потому решение президиума — освободить бюро секций от всяких организационных дел, предоставить им возможность сосредоточить все внимание на обсуждении писательских рукописей, разветвлении дискуссий, постановке творческих проблем и т. д., надо признать безусловно правильным. Все организационные вопросы берет на себя президиум

Но на деле вышло иначе. Маяковский вышел к Чуковскому из библиотеки с ким в руках и широко недоумово: — Что вам надо?

К. Чуковский стал расхваливать стихи Маяковского, напечатанные в одном из сборников, вышедшем в 1913 г. В Маяковский слушал эти похвалы не долгие минуты и сказал: — Я вяну...

«Я вяну... Навяну... Меня жутко... А если вам хочется похвалить эту книгу, похвалите, пожалуйста, вот в тот угол, к тому крайнему столу... Видите, там сидит старичок... в белом галстуке... Подыте и скажите ему все... Я ухаживаю за его дочерью. Она уже знает, что я великий поэт... а отец сомневается. Вот и скажите ему...»

Чтение «Чукотки» сменилось копированием на новейших электро- и радиоинструментах.

Друзьями аллодисементами приветствовали собиравшиеся выступившего затем комбрига А. А. Игнатьева, автора воспоминаний «50 лет в строю», напечатанных в девятой книге журнала «Знамя». Он рассказал о плане второй части своих мемуаров и прочел отрывок из нее. Вторая книга начинается описанием русско-японской войны. В первых главах — портрет генерала Куропаткина, чьи войска участвовали в Манчжурских войнах. Далее рассказывается об эпизоде из русско-японской войны: о сражении под Ляояном, на Шахе, под Мукденом, о пребывании в госпитале и т. д. Книга заканчивается воспоминанием А. А. Игнатьева в Москву и описанием его первой поездки за границу. Воспоминания о дальнейших событиях своей жизни — военно-дипломатической работе в Скандинавии и в Париже — А. А. Игнатьев вложит в третью книгу мемуаров.

Последним было выступление С. Карсанова, прочитавшего «Стрелки Клема Сметанникова и Андрея Приходько» из «Поэм поэтов».

Е. П.

В читальном зале библиотеки автозавода имени Сталина (Москва) 2 февраля состоялась встреча членов заводского литературного кружка с писателем А. С. Новиковым-Прибоем. Писатель поделился с кружковцами воспоминаниями о своей литературной деятельности и рассказал о работе над новой книгой «Напитан 1-го ранга». Фотоклише ТАСС

Подготовка к юбилею М. Ю. Лермонтова

Приближается столетний юбилей со дня смерти М. Ю. Лермонтова. Подготавливаются и отчасти уже выходят в свет новые книги, посвященные поэту. В г. Орджоникидзе проф. Л. Семенов выпустил книгу о кавказских поэмах Лермонтова, заключающую много нового, неопубликованного материала. В «Тбилиси» выходит книга проф. Игноркова «Лермонтов и Кавказ».

В Петербурге готовится к печати новая биография поэта. Над научной биографией Лермонтова работает проф. Н. Бродский.

Лермонтовская группа Института мировой литературы им. Горького в связи с выходом новых книг о Лермонтове решила организовать их коллективное рецензирование.

На последнем заседании группы был заслушан доклад Н. Бродского о трех недавно вышедших книгах: В. Кириотина — «Политические мотивы в творчестве Лермонтова», И. Андроникова — «Жизнь Лермонтова» и В. Мануйлова — «Жизнь и творчество Лермонтова».

В обсуждении книг приняли участие В. Нейман, С. Шувалов, И. Энгес, Ф. Майский, В. Жданов, А. Новиков, И. Андроников, С. Иванов и В. Кириотин.

Из рецензировавших книг лучше всего получились книги В. Кириотина. Данное в ней новое освещение южнорусских стихов М. Ю. Лермонтова не встретило возражений.

Резкой критике подверглись и некоторые из вышедших книг. В частности В. Мануйлова «Жизнь и творчество Лермонтова», названную Учицким, как «особые для учителя средней школы. Автор упрямился на допущенные в книге отдельные фактические ошибки, на неполноту и деформацию творческой характеристики поэта».

Положительно о книге получила биографическая повесть о Лермонтове И. Андроникова, хотя в ней и были отмечены некоторые частные неточности.

Обсуждение книги С. Иванова подтвердило отрицательную оценку, данную ей в печати.

Как было отмечено в прениях, почти все авторы популярных книг о жизни и творчестве Лермонтова черпают из одного источника — из дореволюционной биографии Лермонтова, написанной Висковатовым. На совещании было высказано желание о переиздании этой книги к юбилею, с комментариями и примечаниями.

Творческий вечер Мих. Светлова

13 февраля в лектории МГУ состоялся творческий вечер Михаила Светлова.

Поэт прочит отрывки из своей новой поэмы «Двадцать лет спустя», принятой к постановке Московским театром для детей, возмущение и отрывки из новой поэмы «Хлеб» и новые стихи «Дон Кихот», «На море», «В разведке», на-днях окончен и стихотворение «Селюцкая» и т. д. Артисты Московского театра для детей покажут сцены из поэмы М. Светлова «Сказка».

Полное его противоположество является Мих. Клинтари. Несколько Улино, рукописный народный мудрости, творчество Мих. Улино, посвященное детству товарища И. В. Сталина. И роман и обсуждение его вызвали живой интерес литературной общественности Грузии.

Перед нами первая попытка дать в художественной форме биографию вождя трудового человечества.

По мнению ответственного секретаря президиума союза тов. И. Абашидзе, выступившего с вступительным словом, первая часть трилогии Гамсахурдия является не только крупным шагом вперед в творчестве поэта, но и весьма значительным явлением в советской литературе.

Докладчик, критик Д. Бенвенили, указал на сложность и ответственность ваяния на себя автором задачи. Что удалось К. Гамсахурдия? Дает ли он цельный образ вождя в годы его детства, или только «возможной точностью» подмывает и освещает чужеземный в памяти современников материал?

К. Гамсахурдия создал новую галерею типов, характерных сред, в которой проходили первые годы жизни И. В. Сталина. Благодаря этому мы получаем отчетливое представление о политическом и бытовом укладе изображаемой эпохи. Наиболее ярки два образа: горцев-пастух Улино Арабули и Мих. Клинтари — своеобразный горный интеллигент, носитель книжной мудрости своего века. Улино Арабули дан в романе как символ великого народного духа. Это человек неисконной воли и непоколебимого мужества. При первом же своем появлении Арабули вносит радость и бодрость в трудную жизнь семьи Джугашвили. Он нежно привязан к маленькому Сосо.

Тов. Д. Бенвенили указал на некоторые недостатки романа. Роман как бы распадается на эпизоды, связь между главами недостаточно прочна. Роман написан строгим, простым языком, но кое-где стиль еще осложняется от прежней своей, слегка изысканной, эпохальной манеры.

Доклад Д. Бенвенили вызвал оживленные прения. Грузинские писатели и критики единодушно признали высокие художественные достоинства романа.

Тов. И. Нигорская считает, что автору удалось добиться органического соединения политического элемента с элементом историческим. Роман написан с исключительным мастерством и несет подлинную любовь к своему делу. Мы видим и чувствуем ребенка и юношу, который должен стать современным человеком непреклонного мужества.

Сосо

В комиссии по детской литературе

Недавно в президиуме союза писателей состоялось первое заседание бюро комиссии по детской литературе.

Открыла заседание тов. Фадеев конкретизировал задачи, стоящие перед бюро. Это — помощь Детиздату в его последовательной практической работе; составление перспективного плана издания детской литературы на 5 лет; забота о создании новых книг, и в первую очередь книг для ребят о товарище Сталине; помощь молодым редакторам в их практической работе; связь бюро комиссии с детскими писателями братских республик и областей.

Бюро постановило: организовать писательские группы в помощь Детиздату. В группу дошкольной литературы и литературы для младшего возраста вошли: С. Маршак (руководитель), А. Бардег, С. Михалков, Э. Александрова, А. Гайдар.

Группа научно-художественной литературы: М. Ильин (руководитель), К. Паустовский, В. Шкловский, С. Маршак.

О. Писаржевский, Н. Михайлов, В. Сафонов, А. Шальников, Г. Франк.

Группа исторической литературы: В. Шкловский (руководитель), Г. Штром, акад. Е. Тарле, С. Григорьев.

Литература братских народов и областей: Р. Фраерман (руководитель), Л. Кавтко, Е. Благинина, М. Шагинян, Н. Чертова, А. Марьянов.

Группа балетистической для детей среднего и младшего возраста: Л. Кассиль (руководитель), В. Иванов, С. Гехт, А. Новиков-Прибой, К. Симонов.

Группа классики: К. Чуковский (руководитель), А. Роккич, И. Андроников, А. Джиголев.

Группа общественно-политической литературы: М. Колозов (руководитель), А. Фадеев, В. Катаев, И. Мицн, С. Мстиславский.

Ответственным секретарем бюро комиссии по детской литературе единогласно избран Б. Ивлевтер.

Всесообщая история изобразительных искусств

Бригада научных работников Музея изобразительных искусств имени Пушкина, Третьяковской галереи, Музея нового западного искусства и Музея восточных культур в составе около 20 человек, под руководством проф. М. И. Фабриканта, работает над созданием книги «Всесообщая история изобразительных искусств». Вскоре будут разделы по живописи, архитектуре, скульптуре, графике и прикладным искусствам.

Книга охватывает период от первых памятников первобытного искусства до нашего времени. В ней широко будут использованы исследования советских ученых и результаты их раскопок. «Всесообщая история изобразительных искусств» в объеме 40 печатных листов выйдет в течение года.

Записки — письма — статьи Е. Вахтангова

После смерти Е. В. Вахтангова остался богатый и разнообразный материал — записки в блокнотах, тетради, записные книжки, письма, режиссерские заметки и мысли по вопросам творческой методологии. Все эти материалы собраны и систематизированы И. М. Вахтанговой и Л. Д. Вендровой в книге «Е. Вахтангов. Записки — письма — статьи», которую недавно выпустило издательство «Искусство». Комментарии к документам и общая редакция — заслуженного деятеля искусств В. Е. Захавы.

Книга открывает статьи П. Г. Антокольского о детстве и юности Вахтангова. В качестве приложений к книге напечатаны протоколы рецензий, уроков и консультации лекций Е. В. Вахтангова в студийской драматической студии.

Книга заканчивается большой статьей В. Е. Захавы — «Творческий путь Вахтангова».

Подготовка к юбилею М. Ю. Лермонтова

Приближается столетний юбилей со дня смерти М. Ю. Лермонтова. Подготавливаются и отчасти уже выходят в свет новые книги, посвященные поэту. В г. Орджоникидзе проф. Л. Семенов выпустил книгу о кавказских поэмах Лермонтова, заключающую много нового, неопубликованного материала. В «Тбилиси» выходит книга проф. Игноркова «Лермонтов и Кавказ».

В Петербурге готовится к печати новая биография поэта. Над научной биографией Лермонтова работает проф. Н. Бродский.

Лермонтовская группа Института мировой литературы им. Горького в связи с выходом новых книг о Лермонтове решила организовать их коллективное рецензирование.

На последнем заседании группы был заслушан доклад Н. Бродского о трех недавно вышедших книгах: В. Кириотина — «Политические мотивы в творчестве Лермонтова», И. Андроникова — «Жизнь Лермонтова» и В. Мануйлова — «Жизнь и творчество Лермонтова».

В обсуждении книг приняли участие В. Нейман, С. Шувалов, И. Энгес, Ф. Майский, В. Жданов, А. Новиков, И. Андроников, С. Иванов и В. Кириотин.

Из рецензировавших книг лучше всего получились книги В. Кириотина. Данное в ней новое освещение южнорусских стихов М. Ю. Лермонтова не встретило возражений.

Резкой критике подверглись и некоторые из вышедших книг. В частности В. Мануйлова «Жизнь и творчество Лермонтова», названную Учицким, как «особые для учителя средней школы. Автор упрямился на допущенные в книге отдельные фактические ошибки, на неполноту и деформацию творческой характеристики поэта».

Положительно о книге получила биографическая повесть о Лермонтове И. Андроникова, хотя в ней и были отмечены некоторые частные неточности.

Обсуждение книги С. Иванова подтвердило отрицательную оценку, данную ей в печати.

Как было отмечено в прениях, почти все авторы популярных книг о жизни и творчестве Лермонтова черпают из одного источника — из дореволюционной биографии Лермонтова, написанной Висковатовым. На совещании было высказано желание о переиздании этой книги к юбилею, с комментариями и примечаниями.

Творческий вечер Мих. Светлова

13 февраля в лектории МГУ состоялся творческий вечер Михаила Светлова.

Поэт прочит отрывки из своей новой поэмы «Двадцать лет спустя», принятой к постановке Московским театром для детей, возмущение и отрывки из новой поэмы «Хлеб» и новые стихи «Дон Кихот», «На море», «В разведке», на-днях окончен и стихотворение «Селюцкая» и т. д. Артисты Московского театра для детей покажут сцены из поэмы М. Светлова «Сказка».

Полное его противоположество является Мих. Клинтари. Несколько Улино, рукописный народный мудрости, творчество Мих. Улино, посвященное детству товарища И. В. Сталина. И роман и обсуждение его вызвали живой интерес литературной общественности Грузии.

Перед нами первая попытка дать в художественной форме биографию вождя трудового человечества.

По мнению ответственного секретаря президиума союза тов. И. Абашидзе, выступившего с вступительным словом, первая часть трилогии Гамсахурдия является не только крупным шагом вперед в творчестве поэта, но и весьма значительным явлением в советской литературе.

Докладчик, критик Д. Бенвенили, указал на сложность и ответственность ваяния на себя автором задачи. Что удалось К. Гамсахурдия? Дает ли он цельный образ вождя в годы его детства, или только «возможной точностью» подмывает и освещает чужеземный в памяти современников материал?

К. Гамсахурдия создал новую галерею типов, характерных сред, в которой проходили первые годы жизни И. В. Сталина. Благодаря этому мы получаем отчетливое представление о политическом и бытовом укладе изображаемой эпохи. Наиболее ярки два образа: горцев-пастух Улино Арабули и Мих. Клинтари — своеобразный горный интеллигент, носитель книжной мудрости своего века. Улино Арабули дан в романе как символ великого народного духа. Это человек неисконной воли и непоколебимого мужества. При первом же своем появлении Арабули вносит радость и бодрость в трудную жизнь семьи Джугашвили. Он нежно привязан к маленькому Сосо.

Тов. Д. Бенвенили указал на некоторые недостатки романа. Роман как бы распадается на эпизоды, связь между главами недостаточно прочна. Роман написан строгим, простым языком, но кое-где стиль еще осложняется от прежней своей, слегка изысканной, эпохальной манеры.

Доклад Д. Бенвенили вызвал оживленные прения. Грузинские писатели и критики единодушно признали высокие художественные достоинства романа.

Тов. И. Нигорская считает, что автору удалось добиться органического соединения политического элемента с элементом историческим. Роман написан с исключительным мастерством и несет подлинную любовь к своему делу. Мы видим и чувствуем ребенка и юношу, который должен стать современным человеком непреклонного мужества.

Сосо

Е. И. Зарина

В гор. Пушкине скончалась на 105 году жизни талантливая романистка-бытописательница Екатерина Ивановна Зарина-Новикова. Детские годы ее прошли на Кавказе, куда был сослан ее отец, вскоре за отличие назначенный комендантом крепости Анапа.

Литературную свою деятельность Зарина начала в 60-е годы, когда вышла замуж за известного в то время критика и публициста Еф. Зарина, работавшего в «Библиотеке для чтения» и «Отечественных записках». Первая повесть Зариной «Питомцы», в которой описывается жизнь сибиряков, подлинный, понападавших в воспитательный дом, так называемых «незаконнорожденных» детей, была напечатана в «Современнике». Повесть горячо приветствовалась Салтыков-Щедрин и Некрасов. Написанная в реалистических тонах, картина быта несчастных детей встревала даже безудельных чиновников ведомства, распоразжавшегося жизнью и судьбой брошенных детей.

Обратили на себя внимание свежестью красок и колоритным изображением быта также кавказские рассказы, написанные Зариной на основании своих детских наблюдений.

Непосредственная свидетельница помещичьего быта крепостной деревни, Зарина отразила этот быт в большом романе «Николай Барский», содержащем в себе много биографических фактов, а также в пьесах «Загубленная жизнь» и «В угаре». Над темой крепостного права Зарина работала до самого последнего времени и еще три года назад прислала в драматическую секцию ЮЗСП свое пьесу из жизни крепостных. Большой интерес представляют ее «Воспоминания», которые она закончила незадолго до смерти. В этих «Воспоминаниях» (общим почти в 900 машинописных листов), хранящихся в архиве Ленинградского института литературы, наша себе полное отражение ее большая интересная жизнь, жизнь литературных кружков того времени, описаны ее встречи с такими писателями, как Салтыков-Щедрин, Некрасов, Лесков, Писемский, Крестьянский и другие.

Пожойная писательница принадлежит к той многочисленной группе литературных работников, имена которых обычно отсутствуют в общих курсах по истории литературы. Это, однако, несколько не умаляет их бесспорного большого значения, их роли в общем культурном развитии нашей страны. Оставленная Е. И. Зариной литературное наследство представляет ценный материал для истории нашей культуры и общественной жизни.

Вл. БОЯЧОНОВСКИЙ, Б. ЛАВРЕНЕВ, Б. БЯЛИК, Л. РАХМАНОВ, М. СЛОНИНСКИЙ, М. СОЩЕНКО, В. КАВЕРИН.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИОЩИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ

ул. Горького, 13. Тел. К 1-28-32.

ПОКУПАЕТ КНИГИ РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ: ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ ПО ИСКУССТВУ, ТЕАТРУ И ВР.

Для осмотра домашних библиотек в БЫ О И А Ю О И ТОВАРОВОДЕЦ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Изд-ва «Советский писатель»

Кузнецкий мост, 18. Тел. К 4-42-30.

ПОКУПАЕТ СОЧИНЕНИЯ ЛЕНИНА — СТАЛИНА, ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ В СТАРЫХ И НОВЫХ ИЗДАНИЯХ — ВСЕХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПЕРЕВОДНУЮ ИНОСТРАННУЮ.

Для осмотра домашних библиотек высылают товароведы.

МАГАЗИН МОСКУЛЬТОРГА

№ 15 Китайгородский проезд, 1, (у Политехнического музея).

Телефон К 6-66-90.

№ 16 Сретенка, 36. Тел. К 5-50-73. № 20 Ул. Горького, 78. Тел. Д 1-36-76. № 22 Арбат, 4. Тел. Г 1-30-39.

ПОКУПАЮТ У НАСЕЛЕНИЯ КНИГИ

(по истории философии, художественную литературу)

Для покупки библиотек — ВЫСЫЛАЮТСЯ ТОВАРОВОДЕЦ НА ДОМ.

ЛИТОЗНИКА КОГИЗ'а

В книжные магазины КОГИЗ'а

ПОСТУПАЮТ В ПРОДАЖУ ТОЧНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПОДЛИННИКОВ (ФАКСМИЛЕ): ЗАПИСНАЯ КНИЖКА Героя Советского Союза Е. ФЕДОРОВА. НА ДРЕЙФУЮЩЕМ ЛЬДУ

С приложением (отдельной книгой) перевода русской поэмы на английский язык сорока Е. Федорова, вступительная статья Героя Советского Союза И. Д. Паланина, 48 иллюстраций и картой дрейфа. Изд. «Искусство», 1939 г.

Цена 20 руб. (с пересчетом по футурам).

ШТУРМАНСКИЙ БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ САМОЛЕТА № 025

С приложением (отдельной книгой) перевода русской поэмы на английский язык сорока Е. Федорова, вступительная статья Героя Советского Союза И. Д. Паланина, 48 иллюстраций и картой дрейфа. Изд. «Искусство», 1939 г.

Литературная жизнь городов

Вечер новеллистов

БНЕВ. (От наш. корр.). В Киевском клубе писателей после долгого перерыва состоялся вечер новеллистов, организованный секцией прозы ССП Украины. Четыре прозаика: А. Шиня, Е. Кротевич, Г. Поляничко и В. Козаченко читали свои новеллы.

Выступавшие в прениях т. Повиченко, Сималинский и Кипине отмечали, как лучше из прочитанных, новеллы А. Шиня «Юнондралы», написанную свежим, образным языком.

Тов. Повиченко противопоставил «Копнокрам» А. Шиня новеллу Поляничко «У костра», считая язык ее серым, шаблонным и невзрачным.

Положительно, в основном, была оценена и новелла молодого прозаика В. Козаченко «Персонал».

М. Рыльский в своем выступлении остановился на новелле В. Кротевича «Анна Горичева». Новелла эта, по его мнению, написана хорошо, но ее портит незначительная конопка, палившие обложившая основную идею новеллы.

Председательствовавший на вечере А. Голово в своем заключительном слове пожелал, чтобы творческие встречи поводов устраивались почаще, так как это поведет в украинской прозе пока еще незначительно.

Собрание ивановских писателей

ИВАНОВО. (От нашего корр.). Состоялось общее собрание писателей гор. Иванова совместно с литературным активом. С докладом о работе областного бюро союза советских писателей за 1939 г. выступил В. Полторацкий.

Участники собрания отметили, что работа областного отделения за последнее время значительно оживилась. Проведено областное совещание начинающих писателей. Были организованы обсуждения творчества молодых писателей: М. и А. Байцуровы, И. Чуева, С. Бонярева, Н. Джукельова.

Большую работу провели ивановские писатели в период подготовки к выборам в местные советы депутатов трудящихся.

В истекшем году писатели дали ряд новых книг. Д. Прокофьев закончил 2-ю книгу повести «Алексей Шваров». М. Шиня — книгу рассказов «Огни». В. Полторацкий — повесть «Лето». И. Назаров — книгу стихов «За станком». М. Дудин — книгу стихов «Ливень». А. Васильев — пьесу «Арсенин». В. Курбатов — книгу детских стихов.

Однако областное бюро ССП слабо проводит работу по организации литературно-творческой учебы писателей, неудовлетворительно помогает молодым писателям.

Литературная газета

6

Вечер Анатолия Ольхона

ПРДУТСКО. (От наш. корр.). В актовом зале Иркутского педагогического института состоялся творческий вечер поэта Анатолия Ольхона. На вечер пришло свыше пятисот человек студентов, научных работников, преподавателей средних школ и вузов.

С докладом о творчестве поэта выступил писатель А. А. Шмаков.

— Творчество Анатолия Ольхона, — сказал он, — неразрывно связано с Сибирью. В своих стихах и поэмах поэт описывает далекое и странное прошлое кандалов, «варшавской» Сибири, гражданскую войну и партизанское движение, социалистическое преобразование и возрождение великого края. Поэт Ольхон самобытен. Он имеет свой голос, свою манеру письма. Его стихи, опубликованные в книгах «Большая Ангара» и «Далеко в стране Сибирской», получают читателей своей жизненной правдивостью, плавной пелестремленностью.

После доклада артистка Областного драматического театра Кемеровая прочла стихи поэта: «Ночь в Александровском центре», «Рождение деревни» и «Памятник Хамар-Дабанскому отряду».

Затем т. Ольхон прочитал отрывок из повести в стихах «Государственный преступник Чернышевский», пьющийся в этом году отдельной книгой, а также ряд своих новых коротких стихов и поэму «Елсейская легенда».

РЕДАКЦИЯ: Москва, Последний пер., д. 26, тел. К 4-46-19 и К 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬ: издательство «Советский писатель», Москва, Б. Гнездинковский, 10.